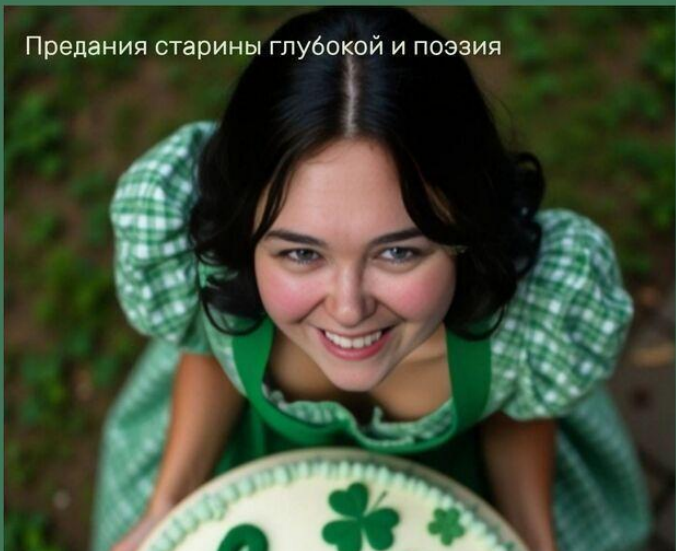

18+

Наталья Червяковская

СЛАВЯНСКИЙ ДУХ: ОТ МИФА К ИСТИНЕ

Предания старины глубокой и поэзия

Наталья Червяковская

Славянский дух: от мифа к истине. Предания старины глубокой и поэзия

<https://litres.ru/74151782>

ISBN 9785007012379

Аннотация

Книга «Славянский дух: от мифа к истине» воскрешает древнюю мудрость, где каждый звук — отзвук шагов прашуров, а каждая тень — отблеск таинства забытых Богов. Реки струятся самим временем, унося предания о воинах и ведунах. Леса — живые алтари: Род дышит в корнях, Сварог куёт свет зари, Перун гремит на небесной тверди, а Велес бережёт сокровенные тайны земли. Здесь слышен серебряный смех Лады. Сказания — не мифы, а зеркало народной души, в котором пульсирует вечная, неугасимая сила родной земли.

Содержание

То не легенды, не преданья — то голос крови в тишине	5
Род ВСЕ БОЖИЙ, Прародитель, начало всех начал!	10
Сварог, кузнец миров, создатель тверди!	16
Лада-Матушка, Всеблагая	29
Перун-батюшка, громовержец могучий!	37
Мать-Сыра Земля, кормилица щедрая!	45
Велесе, мудрый, скотий бог, путник межмирья!	54
Дажьбоже, светлый, податель благ!	63
Леля дева весенняя, краса земная!	72
Стрибоже, владыко воздушных путей, вестник и вольный дух!	80
Макошь, матушка-судьбопряха, держательница нитей живых!	86
Семаргл-Огнебоже, пламя священное, сила претворяющая!	93
Конец ознакомительного фрагмента.	99

**Славянский дух:
от мифа к истине
Предания старины
глубокой и поэзия**

Наталья Червяковская

© Наталья Червяковская, 2026

ISBN 978-5-0070-1237-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

То не легенды, не преданья — то голос крови в тишине

**О Боги, дом мой ныне освятите,
Под сенью крыл покой его храните.
Пусть в каждом сердце искра возгорится,
И явью станёт всё, что только снится.
Пусть в танце дней, средь смеха и отрады,
Герои обретут свои награды.**

**Хвала Богам за щедрые даянья:
За золотые россыпи сиянья,
Где счёта нет богатству и успеху,
Где горести — лишь в полдень эхо.
За честь в глазах мирян, за уваженье,
Примите наше вечное служенье.**

**Мы — чада ваши, кровь от чистой лона,
Пред вами клоним головы смиренно.
Нам стать богато, жить и не тужить,
В безбедном мире вольно ворожить.
Отец и Мать — вы в каждом вздохе рядом,
Нас обнимая милосердным взглядом.**

**И в светлой Яви, под лучом рассветным,
И в Нави тёмной, зыбкой и заветной,
Простёрты ваши руки над главами,
Скрепляя узы вечными словами.
Мы славим Род, чей корень в тверди скрыт,
Для нас сей путь заветами омыт.**

**Слава Богам, что правят небесами,
Слава предкам, ставшими лесами!
Духам земли и огненной стихии,
Чьи голоса — как песни золотые.
Во веки веков, в блеске вечной славы,
Святите наш дом и простор величавый!**

Книга сия, наречённая «Славянский дух: от мифа к истине», — не сухой свиток, но живое полотно, сотканное из древних преданий и прозрачной дымки авторского видения. Мне, как женщине, чья душа внимала шёпоту предков, открылось разумение родных славянских Богов, самой Матери-Природы и таинства мироздания. Заговоры и обряды, что легли на страницы её, не для слепого исполнения рождены — они лишь тихая дань народной памяти, что бережно хранилась знахарями да ведуньями-матерями. Сокровенная суть явится вам не как наставление, а как художественное прочтение — словно ветер, что шепчет бы-

ли над бескрайним полем, не требуя ответа, но лишь внимания чуткого сердца.

Прежде чем явилась земля наша, прежде чем вознеслись леса дремучие и воды заструились по руслам, была лишь бездна — студёная, безмолвная, тёмная. И в той бездне, по воле Рода-Прародителя, затеплилась искра. Искра та была не огнём и не светом, но Мыслью, что вдохнула жизнь в пустоту. От неё отделились два лика: Белобог — светлый, созидающий, и Чернобог — тёмный, ведающий тайны разрушения, ибо без разрушения не бывает обновления. И сказали они: «Да будет твердь!» И стала твердь.

Мать-Сыра-Земля, что покоится на трёх китах, а по иным сказаниям — на змее многоглавом, приняла в себя семена небесные. Из тех семян взошли травы, цветы, деревья, и каждый стебель, каждый лист обрёл душу, ибо земля наша — живая. Рекут старцы, что не было у земли той границ, лишь единое поле, где бродили духи, туманами укутанные. И тогда повелел Сварог, небесный кузнец, сковать горы и реки, дабы отделить воды от суши, а сушу от облаков. Так родился мир, в коем мы обитаем.

Но мир без человека был подобен песне без голо-

са. Тогда взяли Боги горсть глины, смешали её с росой утренней и солнечным лучом и вылепили первого человека. Но был он нем, как камень, и слеп, как крот. Тогда Макошь, пряха судеб, вплела в его грудь нить жизни, Лада — лепёшку тепла, а Велес — мудрость звериную. Человек открыл глаза, и первое, что увидел, — небо, полное звёзд, и лес, полный шорохов. И понял он, что не одинок.

От того перволюда пошли роды славянские. Расселились они по рекам быстрым, по лесам тёмным, по полям бескрайним. Каждый род хранил свой огонь, свой обычай, своё имя Бога. Одни славили Перуна, что гремит в вышине, другие — Дажьбогу, что зори зажигает, третьи — Стрибогу, что ветрами повелевает. Но над всеми царил закон Рода — закон крови и земли, что не пишется на бересте, а передаётся из уст в уста, из сердца в сердце.

В те времена человек и природа говорили на одном языке. Дуб шумел — то весть подавал, ручей журчал — то предупреждал о беде, волк выл на луну — то срок чей-то кончался. Чтили славяне каждое дерево, каждый камень, ибо знали: за всем стоит незримая сила. Домовой в избе — хозяин, водяной в омуте — князь, леший в чаще — пастырь зверей. И не было у них

вражды, коли человек с почтением почитает их обычай.

Но пришли времена, когда люди позабыли язык трав и зверей, когда захотели они власти над миром, а не мира с миром. Тогда Боги скрыли свои лики, оставив лишь отражения в озёрах и шёпот в листве. И осталась человеку память — та, что хранится в песнях бабок-знахарок, в узорах на рушниках, в тех словах, что я, как автор, осмелилась записать, дабы не ушло в небытие.

О сем я и поведу свой сказ — не как наставница, но как свидетельница, чьи уши слышали шелест веков. Садись, читатель, к огню, открой сердце. Ибо то, что здесь рассказано, не ложь и не правда, а быль, что живёт меж явью и сном, покуда стучит пульс земли нашей и льётся песня славянского духа.

Род ВСЕ БОЖИЙ, Прародитель, начало всех начал!

Род всебожий, Прародитель, начало всех начал! Не в высях небесных пребывает, не в утробе земной сокрывается, но в каждой пылинке мироздания, в дыханье ветра, в сердцевине древа могучего. Он — источник, из коего рекой серебряною изливается жизнь, и Сам Он — жизнь нерушимая.

Не было времени, когда не было Рода. Единым духом пребывал Он в пустоте первозданной, в тишине безгласной, и в той тишине возгорелась мысль Его — светлая, как первая заря. И возжелал Род Себя узреть, и из мысли Своей сотворил мир. Не руками делал, не словом вещал, но силою внутреннею, сокровенною. Из духа Своего явил Он Лад — лад прекрасный, и из того же духа родилась Тяга — сила творения, что движет солнце и светила по кругам их вечным.

Первым из сущего родился Сварог, отец небесный. Ударил Он молотом Своим по бел-горюч камню Алатырю, и искры от той стали звёздами на тверди небесной. Затем из тепла Родова родилась Лада, мать все-

мирная, и разлила Она любовь Свою по земле нерож-
дённой, и от той любви пробились первые ростки бы-
тия.

Не муж и не жена есть Род; Он есть то, что прежде
них. Он — целое, вмещающее в себе и разделение, и
соединение. От Него идут все пути: и к свету ясному, и
к тайне тёмной, ибо без тени не бывает дня, без ночи
не ценится утро. Наполняет Он всё сущее силою Сво-
ею, но не владеет им, как царь рабами. Дарует Он во-
лю всему живому, и в той воле — замысел Его вели-
кий.

По всей земле широкой, по всем водам глубоким
рассеялись дети Рода. В каждом камне, в каждой ре-
ке, в каждом звере лесном и птице поднебесной — ча-
стица духа Его. И человек, созданный дланями Сваро-
га и душою Лады, тоже несёт в груди своей искру Ро-
да. Оттого и живёт в человеке тяга к творению да лад
к порядку, а борьба меж ними — путь его земной.

Не требует Род молитв пышных, не жаждет жертв
кровных. Слышит Он песнь сердца чистого, видит
труд рук честных. Когда пахарь ведёт соху по ниве,
солнце встречая, — то служба Роду. Когда мать качает
дитя, напевая колыбельную старинную, — то служба

Роду. Когда мастер вырезывает из дерева образ, вкладывая в него душу и смысл, — то служба Роду. Ибо всё, что творится с ладом в душе да с любовью в сердце, крепит мир, Им созданный.

Великий Род! В тебе нет ни старчества, ни младости. Ты — вечное «ныне». Ты еси то, что было, и то, что будет, и то, что есть. Когда затихает ветер в поле — это ты задумался. Когда гремит гроза — это ты вспоминаешь силу свою первоначальную. Каждая капля влаги — память о тебе; каждый огонь — искра твоей мысли.

Мы, люди, — твои очи, раскрывшиеся на этом мире. Мы зрим красоту твою в чашечке цветка и мощь твою в твердыне скалы. Мы служим телу твоему, миру сему, не как рабы, но как дети, узнающие длань родителя в каждой твари. Мудрость наша — это знание твоё, пробивающееся сквозь нас, как живая вода сквозь толщу земную.

Потому нет для нас ничего чуждого. Зверь лесной — брат наш меньший, ибо и он от тебя произошёл. Дом наш — не крепость от мира, но часть мира, срубленная из даров твоих с благодарностью и пониманием. Мы не господа; мы — голос твой, пытающий-

ся славить величие твоё песней, речью и трудом честным.

Мы чувствуем тебя в себе. Когда сердце бьётся ровно и мирно — это ритм твой в нас. Когда дух наш парит к свету — это ты влечёшь нас к себе, как солнце влечёт ростки из земли. Даже в скорби нашей ты присутствуешь, как присутствует тёмная, плодородная глубина почвы в каждой былинке.

Род всебожий! Мы не просим у тебя чудес. Мы просим ясности зрения, чтобы видеть тебя во всём. Мы просим крепости рук, чтобы бережно обходиться с воплощениями твоими — с лесами, с водами, с душами живыми. Мы просим памяти, чтобы не забывать, что мы — часть твоя, и, причиняя вред миру, причиняем вред себе и тебе.

Ты не в высях небесных. Ты — здесь. В соке, что струится по древесным жилам. В тепле, что лучится от очага. В тихом слове совета, сказанном от старшего к младшему. Ты — связь всего со всем. Ты — та сила, что держит звёзды на их путях и удерживает корни растений в Матери-земле.

Так и живём мы, помня о тебе. Так и трудимся, честь тебе воздавая. Так и мыслим, пытаюсь постичь

хоть крупицу бесконечной сути твоей. И в каждом таком действии ты живёшь вновь, как живёшь в каждой весне, пробуждающейся от сна зимнего.

Прими же, Прародитель, слова наши простые. Не как жертву, но как признание. Мы — твои. Мир — твой. И всё, что есть, и всё, что будет, есть бытие твоё великое и непрестанное. На том стоим. На том живём. И в том обретаем опору нерушимую.

**Я дочь Твоя, Роде, я малая капля в потоке,
Впитавшая небо предвечных Твоих берегов.
Рождённая в мудром, негласном и чистом истоке,
Я слышу восторженный зов сокровенных Богов.
В дыхании трав и в движенье светил бесконечном
Я чувствую руку Твою на своих волосах,
Ты — в пульсе живом, в самом малом и самом
сердечном,
И в золоте солнц, что застыло на вечных весах.**

**Я верная ветвь на просторном и благостном Древе,
Где каждый листок — это память ушедших времён.
Хранимая тайной в земном и божественном чреве,
Я чту красоту Твоих ясных и строгих знамён.
Пусть женская доля покорностью колоса зреет,
Но дух мой под бурей не сломится, не подведёт,
Покуда огонь Твой в груди моей праведно греет**

И Лады любовь в моих песнях весенних живёт.

**Даруй мне прозрение видеть незримые связи —
Меж камнем и птицей, меж прошлым и тем, что
грядёт.**

**Избавь мою волю от холодной и липкой боязни,
Когда за порогом метель вековая поёт.**

**Пусть руки мои станут нежностью, сердце —
купелью,**

**Чтоб род продолжался, крепился Твоею десницей,
Чтоб жизнь прорастала сквозь мрак над седой
колыбелью**

Единою правдой, великой и светлой традицией.

**Как дочь и дитя, я прильну к Твоему бездорожью,
Где истина выткана светом предутренних рос.
Овей меня, Отче, нездешнею, благостной дрожью,
Чтоб голос мой в хоре небесном молитвой возрос.
В насущном зерне, в позолоте заветных узоров,
В кудрях облаков и в биении вечных начал —
Славен будь, Роде, Творец необъятных просторов,
Мой вечный Причал и безудержный мой Идеал!**

Сварог, кузнец миров, создатель тверди!

В пору ту древнюю, едва памятью зримую, когда ни имени, ни образа ещё не обрело сущее, един был Он — Сварог, Кузнец Миров, Зиждитель Тверди. Не из мягкой глины, не словом зыбким творил Он бытие, но из раскалённого сердца вселенной, высекая жизнь из первородного железа хаоса. Кузница Его — бездна бездонная, горн — пекло зарождающихся зорь. Молот Его, наречённый Валением, обрушивался на слепую материю, и в гуле том, оглушительном и первородном, зарождались семена грядущих солнц. Раздувал Он мехами дыхания Своего — и возгорался огонь не для тепла, но для Закона. Ковал Он не просто миры, но оси, им суждённые; не просто землю, но неколебимость её; не просто небо, но свод нерушимый.

Первым делом сковал Он Твердь Мировую. Не стену, не щит — а Начало и Предел. Наковальню ту первозданную, на коей всё дальнейшее обретёт свой лик и упор. Был то Закон Первый: есть несокрушимое, есть незыблемое, есть мера всем вещам. И по той Тверди отмерил Он первые удары молота Своего — и

**стали удары те ритмом, временем самим. От них по-
шли круги да циклы, от них повелися судьбы существ
неявленных.**

**Потом взял Он осколки света первозданного, сме-
шал с пылью тьмы изначальной и вытянул на косе
нить протяжную, зыблущуюся. Закалил в ледяном
ветре межмирий и сковал Цепь Первую. Прикрепил
конец один к Тверди, другой — к кому материи жгу-
чей, мятежной. Так родилась связь первая, тяготение.
Так звезда путь свой обрела. По сему образу выковал
цепи иные — и длинные, и короткие, и крепкие, и гиб-
кие — и опутал ими космос нарождающийся, дабы всё
стояло на своём месте, дабы хаос порядок не погло-
тил.**

**Но мир светил бездушных да тверди безжизненной
был неполон. Выковал тогда Сварог два сосуда: один
— из кристалла прозрачного, звонкого, другой — из
металла тёмного, тучного. В первый собрал всё чи-
стое, зыбкое: дух, мысль, зов, мечту. Во второй — всё
плотное, сущее: тело, кровь, корень, камень. И со тща-
нием великим сплёл их воедино, но не смешил. Так воз-
никла ткань живая мироздания, где небо от земли от-
личалось, но не отлучалось, где дух в камне мог пре-
бывать и камень к духу тянуться.**

Утомясь трудом великим, опустил Сварог молот впервой. Воззрел на творение Свое: на миры, скованные цепями, на светила, пляшущие в ладе строгом, на ткань бытия, где всё связано, но всякой твари — суть своя. И узрел Он красоту не одной лишь силы, но равновесия. Тогда выковал вещь последнюю — не предмет, а Правило. Закон сохранения и возврата. Дабы ничто, созданное с такою тратой силы, в пустоту не кануло, дабы каждый удар молота в веках отзывался, дабы всякая форма, распадаясь, суть свою в горн творения возвращала.

Не стал Сварог мирами править. Дав им законы, отступил в глубину кузницы Своей, где и поныне рождаются из искр труда Его звёзды новые. Но порою, когда цепи вселенские от времени ветшают или ткань бытия грозит расплестись, слышен гул далёкий, глухой. То Сварог, Кузнец Миров, подьёмлет молот Свой Воление и наносит удар единый, точный, по самой Тверди. И миры, содрогаясь, вспоминают, кто дал им форму и кто держит основу. И всё вновь приходит в равновесие должное, по мерке, скованной вначале.

А теперь о семье Сварога поведаю, о жене Его и детях, ибо не может кузнец в одиночестве ковать веч-

ность — нужна ему помощница и опора, дабы лад в доме был.

Не было у Сварога семьи в привычном для смертных понимании, ибо кто мог стать ровней Творцу, кто дерзнул бы лечь в горнило рядом с Ним? Но в уединении кузницы Своей, где вечность — лишь искра, а миг — целая эпоха, Он призвал к бытию существо, сотканное из самого чистого пламени Его горна. То была Лада, Мать-Лада, не рожденная, но выкованная из отражения Сварожьего света в полированной глади Тверди. Она не стала женой Ему в плотском смысле, но стала второй половиной Закона, тем началом, без которогоковка бытия не обрела бы гармонии. Лада внесла в мир, скованный железом и валением, тепло, лад и согласие. Она нашептала ветрам мелодию, а водам — покой, ибо поняла: если Сварог творит меру и предел, то её дело — наполнить эти пределы жизнью и любовью. Так в мире, где царил строгий закон, впервые прозвучала песня.

От союза этого, не телесного, но огненного, родились не дети в обычном смысле, а силы, коим суждено было стать опорами мира. Первенцем стал Перун — не просто громовержец, а молот, оживший и обретший волю. Сварог выковал его из сгустка той самой

молнии, что впервые рассекла тьму хаоса. Перун унаследовал от отца ярость кузнечного огня и неукротимость, но Лада вложила в него чувство справедливости, дабы сила шла не на разрушение, а на защиту порядка. Стал Перун стражем границ, что Сварог очертил, и когда враги из нижних миров пытались цепи порвать, первым вставал он, сжимая в деснице гром.

Вторым явился из пламени Свентовит — рожденный от искры, когда молот Сварога ударил по жиле чистого серебра, что тянулась сквозь миры. Стал он богом света и прозрения, тем, кто видит прошлое и будущее сплетенными в единый узор. Свентовит не был похож на сурового отца: он был тонок, словно луч, и прозрачен, словно горный хрусталь. Он научил миры гадать по полёту птиц и плести венки из звёзд, ибо Лада вложила в него дар предвидения и красоты. Свентовит не правил — он наблюдал, но взгляд его был тяжелее любого молота, ибо в нём читалась вся судьба вещей, от начала и до заката.

Дочери у Сварога и Лады родились иные, нежели сыновья. Старшая, Марена, вышла из глубины той самой наковальни, где остывала руда, отвергнутая огнём. Холодная, как космос до рождения первой звезды, она полюбила не творение, а его обратную сторо-

ну — покой и завершение. Лада, видя в дочери опасный дар, научила её не губить, а сменять времена года и провожать души за грань, когда приходит их срок. Стала Марена не смертью, а переходом, и даже Перун, брат её буйный, перед ней смирял свой гнев, ибо знал: всему наступает мера, и никакой молот не отобьёт час осени.

Средняя же дочь, Жива, родилась из паров, что поднимались от рек, когда Сварог впервые дал миру воду. Она была лёгкой, как роса, и тёплой, как земля после дождя. Лада вдохнула в неё плодородие, а Сварог даровал ей силу сцеплять распавшееся, врачевать разорванную ткань бытия. Жива стала богиней весны и врачевания, той, кто чинит мелкие трещины в мире, пока Сварог правит великие. Жива, иначе Живана — Светлая Богиня древних славян, в коей сама Жизнь обрела свой лик. Она — цветущая сила плодородия, вечное обновление Природы, Богиня, что пробуждает землю от ледяного оцепенения зимы и возвращает миру тепло, зелень и изобилие.

Имя Её от самого слова «жизнь» рождено, ибо нет у Неё иного дела, кроме как дарить процветание, рост и дыхание всему живому. В одних сказаниях — Она Дочь Сварога Небесного и Лады-Матушки, и рождение Её стало явлением проявленного мира — Яви. В

иных же преданиях Жива есть светлая сторона Великой Макоши, созидательная Её суть. Ибо если Макошь прядёт веретено судьбы, то Жива — та самая сияющая нить, что льётся сквозь время и сплетает жизнь каждого рода.

Она — Дарительница Жизни, хранящая круговорот бытия от года к году. Она — Покровительница Плодородия, насылающая дожди на нивы и оберегающая пахаря от засухи и неурожая. Она — Сама Весна, разбивающая оковы льда и возвращающая миру Свет. Кто в горестях и чаяниях взывает к Живе — к тем приходит Её благодать. Особливо же чтили Её женщины-матери: Она — защитница их, помощница в чадородии и блюстительница семейного лада.

Будь же славна во веки, Жива-Матушка, что наполняешь колос зерном, а сердце — любовью! И так сложилось в семье кузнеца: не было в ней ни полного единства, ни раздора, а был совершенный лад, где каждый отвечал за свою частьковки, и даже Марена, с её ледяным сердцем, была необходимой частью равновесия, что праотец установил в начале времён.

После Живы, последней из рожденных в горниле прямого огня, родилась Леля — не от удара молота и

не от пара вод, а из тишины, что наступала в кузнице, когда Сварог отдыхал, опустив руки. Она явилась из отражения лунного света в капле росы, застывшей на остывшей наковальне. Лада, почувствовав это рождение, не стала ковать дочь, а обняла её дыханием, и так Леля вошла в мир — не как сила, а как чувство. Она стала богиней весенней любви и девичьей чистоты, той первой искры, что зажигает сердца, но не обжигает их. В отличие от Перуна, что нёс ярость, или Морены, что несла покой, Леля несла пробуждение — негромкое, словно первый ручей под снегом.

Сварог, увидев дочь, долго молчал, ибо не знал, какой закон ей вверить. Леля не правила стихиями и не охраняла границы. Она ходила меж миров, оставляя за собой не цепи, а тропы из цветов. Там, где ступала её нога, таяли льды, и даже Марена, суровая сестра, смягчалась, видя её улыбку. Перун однажды, вернувшись с битвы, застал Лелю сидящей на обломке его разбитого молота. Она плела венок из полевых трав, и громовержец, вместо того чтобы гневаться, сел рядом и слушал, как она поёт. Лада же, наблюдая за этим, поняла: Леля — это не закон, а исключение из него, то самое «потому что», которое нельзя выковать, но можно лишь почувствовать.

Но были и иные дети, рожденные не в горниле, а на периферии творения. Когда Сварог ковал Твердь, отлетевшие искры оседали пылью на краях миров, и из этой пыли, смешанной с дыханием Лады, возникли Хорс и Семаргл. Хорс стал богом солнечного круга, тем, кто катит диск по небу, но не греет — просто указывает путь. Он был холоден, как само светило, если смотреть на него без защиты, и Сварог не сразу признал в нём своё дитя. Лишь когда Хорс, ни разу не сбившись с ритма, провёл солнце через тысячу кругов, Кузнец кивнул: этот сын унаследовал упрямство порядка. Семаргл же родился из той искры, что упала в самую бездну хаоса и там, обуглившись, восстала крылатым псом с огненной шерстью. Он не говорил, но охранял границу между мирами, молчаливый и верный, как наковальня.

Самый необычный из младших родился уже после того, как Сварог ушёл в глубину кузницы. То был Велес — не из огня, а из тумана, что поднялся от рек, когда Марена впервые оплакала уходящую осень. Лада, увидев этот клубящийся сгусток, вдохнула в него частицу своей мудрости, а Сварог, не покидая горна, бросил туда отдалённый гул молота. Велес стал богом трёх миров сразу: он знал пути под землёй, где корни сплетаются с костями, и тропы над небом, где звёзды

пасутся в стадах. Он не был воином, как Перун, и не был стражем, как Семаргл, но он владел тайной перехода: между жизнью и смертью, между правдой и кривдой. И Сварог, глядя на него из вечности, понял: даже в самом строгом законе должна быть лазейка, чтобы мир, скованный железом, не задохнулся.

Так собралась семья Кузнеца: Лада — тепло и лад, Перун — сила и граница, Свентовит — свет и прозрение, Марена — покой и мера, Жива — рост и врачевание, Леля — любовь и пробуждение, Хорс — ритм и постоянство, Семаргл — верность и охрана, Велес — тайна и путь. Не было среди них равных, но не было и старших или младших по сути: каждый был той частью Закона, что держала мир в равновесии. И даже Сварог, удалившись в горн, не стал чужд им, ибо каждый удар его молота отзывался в их жилах, как пульс. А когда над миром нависала угроза распада, все они, забыв свои различия, собирались у порога кузницы, и в тишине слышали, как Отец, не произнося ни слова, куёт новый виток бытия.

В начале начал, у истоков времен,
Где хаос не ведал еще и имён,
В горниле небесном, во мгле пустоты
Сварог воздвигал неземные мосты.
Не словом зыбучим, не глиной сырой —

**Он твердь высекал опалённой рукой,
И сердце вселенной, вскипая огнём,
Дрожало под тяжким его молотком.**

**Ударил Волей — искры взвились,
И в гуле бездонном мира родились.
Мехами раздул первородный закон,
Чтоб каждый светильник был им озарён.
Он ковал не изгибы, а стержни основ,
Не зыбкость тумана, а крепость оков,
Чтоб в буйстве материи, слепо и зло,
Навеки незыблемо нечто легло.**

**Он первым движеньем сковал Наковальню —
Предел мироздания, границу сакральную.
То мера вещам и начало дорог,
Тот камень, что сдвинуть никто бы не смог.
И в ритме ударов, чеканном и строгом,
Пошло исчисление сроков по слогам:
Сложились минуты, сплелись времена,
И выросла в космосе пашня зерна.**

**Из света и праха он вытянул нить,
Чтоб звёзды в созвездья навек закрепить,
Закалка ветров и межзвездная сталь —
Цепь тяготения канула вдаль.**

**Опутал он бездну сплетением уз,
Чтоб выдержал мир свой единственный груз,
Чтоб в танце планет сохранялся обряд,
А хаос безумный попятился вспять.**

**Затем из металла и плоти густой
Он выковал чаши с земной широтой,
А в чаши из хрупких небесных зеркал
Дух вольный и звонкую мысль он собрал.
Сплетая их тонко, но не разделяя,
Он создал живое, края соблюдая,
Чтоб камень дышал, устремляясь в зенит,
А дух постигал, как земля тяжелит.**

**Окончен был труд. И кузнец утомлённый
Взглянул на узор, им в пыли сотворенный.
Узрел он не мощь, а великий Порядок,
Где путь совершенен и вечно загадок.
И Правило Жизни — последний завет —
Сковал он, чтоб тьма не пожрала их свет:
Закон возвращения, лад и черта,
Чтоб в горн возвращалась любая тщета.**

**Не правит Сварог, не диктует указы,
Он скрыт в глубине, незаметен для глаза.
Но если ветшают в веках якоря**

**Иль гаснет во мраке дурная заря —
Ударит он Волей в Твердь поутру,
И эхо промчится по складкам миров,
Напомнив творенью в торжественный час,
Кто делом ковал их и кто их спасал.**

Лада-Матушка, Всеблагая

А рядом со Сварогом — Лада-Матушка, Всеблагая, чья любовь, словно солнце весеннее, согревает и питает всё сущее. Она — сила цветения, влекущая сердце к сердцу, плетущая узоры родства и согласия. В её сладком взоре — нежность первой зелени, в её песне — журчание живых вод и шелест спелых колосьев. От неё идёт лад в семье, мир в душе и красота, что облекает мир в дивные ризы. Вместе же Сварог и Лада — сама суть мироздания: созидаящая мощь отца и всеобъемлющая любовь матери, кузня и колыбель, закон и милость.

Их дети — не просто боги, но живые силы, что правят миром видимым и невидимым. Первенец Сварога и Лады — Перун, Громовержец, чей гнев — очистительная буря, а милость — живительный дождь. Он ходит по небесной тверди в броне из туч, сжимая в деснице молнию-палицу. Имя его — правда, ибо он карает кривду и защищает воинов, пахарей и всякого, кто чтит закон предков. Следом за ним — Дажьбог, податель благ земных. Его золотой щит — само солнце, что встаёт каждое утро из-за края мира, чтобы напоить траву силой, а людей — урожаем. Он — бог лета

и изобилия, хлеба и мёда, ибо без него не заколосится рожь и не загустеет сыта в чашах.

И нельзя забыть о Макоши, богине судьбы и женского рукоделия. Она сидит у прялки мироздания, и нити её веретена — это жизни людей: одни она ведёт ровно и гладко, другие обрывает внезапно, но всегда по справедливости. Макошь ведает все тайны домашнего очага, опекает матерей и вдов, а ещё она — подалельница дождя и влаги земной, ибо без воды не бывает ни пряжи, ни урожая. Рядом с нею часто видят двух сестёр — Долю и Недолю, которые помогают прясть нить человеческой судьбы, да только одна из них светлая, а другая — тёмная, и каждая тянет в свою сторону.

Над всеми же ними, над Сварогом и Ладой, над Перуном и Макошью, стоит единый закон Прави, что незримой нитью пронизывает все три мира: Явь — мир явный, где живут люди, Навь — мир ушедших предков и духов, и Правь — мир божественных истин. Нарушивший Правь теряет путь, как путник в глухом лесу без звёзд, и тогда зовут его безумцем или лиходеем, ибо нет опоры для души, что отпала от родового уклада. Но кто чтит богов и предков, кто ставит лад превыше ссоры, а труд превыше лени, тому сама Все-

ленная простирает длань помощи.

И было у Сварога и Лады ещё две дочери — Жива и Мара-Марена. Нет меж ними согласия, ибо одна дарит жизнь, другая — покой. Жива — светлая богиня, чьё дыхание — тёплый летний ветер, а поступь — зелень, что вспыхивает на полях после ливня. Она приходит следом за Лелей, когда весенние ручьи отшумели, и принимает землю, уже готовую родить. Жива — сила соков земных; она вливает мощь в корни, наполняет грудь каждого существа жаром бытия. К ней взывали роженицы, чтобы дала она младенцу крепость, и земледельцы — чтобы колос налился зерном. Её имя — само дыхание мира, тот трепет, что заставляет сердце биться, а кровь бежать по жилам.

Рядом с Живой — тёмная Марена, богиня зимы и ночи, чей взор глубок, как омут, а платье — из инея и тумана. Она не зло, но неизбежность; её сила в том, что всему приходит конец — чтобы затем начаться заново. Марена накидывает на землю белый саван, укрывая её до срока, ибо земля должна отдохнуть, набраться сил для нового цветения. В её чертогах под землёй обретают покой души предков; она бережно хранит их, пока не настанет час нового рождения. Недаром молвят старики: «Марена — не смерть,

а сон; кто ушёл к ней — не пропал, а ждёт своего часа».

Сёстры вечно в споре, и в этом споре — круговорот года. Когда Жива торжествует, мир цветёт и плодоносит; когда Марена забирает силу — листья опадают, воды застывают. Но нет меж ними вражды, ибо они — две руки одной матери Лады. Жива знает: без отдыха нет силы. Марена помнит: за стужей придёт тепло. Потому и чтили обеих: весной сжигали чучело Марены, приветствуя Живу; осенью благодарили Марену за покой и за то, что укрыла землю до поры.

И ещё есть тайна, ведомая волхвам: Мара-Марена и Жива не просто сёстры, но грани единой силы. В глубокой древности, когда мир только творился, они были едины — но разделились, чтобы дать миру движение. Ибо без смерти нет рождения, без зимы — весны, без ночи — дня. Потому мудрые не клянут Марену, а провожают её песнями, зная: она не разрушительница, а хранительница корней, без которых не устоять никакому дереву. И когда в полночь зимнего солнцеворота завывает вьюга, в её голосе слышен не плач — обещание будущей зелени.

Так и стоят сёстры рядом с отцом Сварогом и мате-

рю Ладой: Жива — в венке из васильков, Мара — в короне из сухих трав. И каждая из них — половина дыхания мира. Пока помнят люди, что за Живой приходит Марена, а за Мареной — снова Жива, не порвётся круг бытия: будет сменяться зима летом, смерть — рождением, и лад в мире не угаснет.

Третьей же родилась у Лады-Матушки дочь — Леля, весенняя дева, чей смех рассыпается ручьями по оврагам, пробуждая землю от зимнего сна. Леля не знает заботы и гнева; она — сама юность, что бежит босиком по утренней росе, плетёт венки из первых цветов и учит людей любить без оглядки, чисто и светло. А за Лелей идёт Велес, бог тайного знания и богатства. Он мудр и космат, ходит между мирами — от подземных корней до небесных пастбищ, ведает пути трав и звёзд. Скот и торговля в его власти, но не только: Велес — хранитель песен и сказаний, он сам складывает былины и учит волхвов читать волю богов по бегу облаков.

Вот откуда пошёл русский обычай: встречать весну песнями в честь Лели, а осенью славить Дажьбога за каравай. Вот почему старики наставляли молодых: «Сначала думай об отце и матери — Свароге и Ладе, потом о справедливости Перуна, а после — о хо-

зьяйстве Велеса и верности слову». И так из столетия в столетие держались люди корней своих, ибо знали: кто забывает богов, тот забывает себя, и сохнет душа его, как трава без дождя. Но пока в русских сердцах живёт память о Свароге-Ковале и Ладе-Матушке, пока мы помним, что мир соткан из огня и любви, — не пресечётся род земной, и будет цвести земля под солнцем Дажьбога, а по вёснам — смеяться Леля, рассыпая цветы по лугам.

Металл и пламя — воля созиданья,
И рядом та, чьё сердце — бирюза.
Сварог и Лада — корень мирозданья,
Его чертёж и вешняя роса.
Он кузницу правит, искры рассыпая,
Она колыбель качает в тишине.
И мощь отца, и милость материнская
Слились воедино в солнечной стране.

Перун идёт — гремит его палица,
Сшибая кривду грозной синевой.
А следом Дажьбог — золотая птица,
Поит поля небесною живой.
Щит-солнце встал, и рожь заколосилась,
И сладок мёд, как высший дар Богов,
Хранит народ божественную милость,
Тот вечный свет от праведных основ.

**Хохочет Леля звонким первоцветом,
Бежит девчонкой по сырой траве,
А Велес мудрый, дышащий секретом,
Читает тайны в звёздной синеве.
Он пасёт звёзды, он считает были,
Меж Явью, Навью водит хоровод.
Чтоб люди корни предков не забыли,
Чтоб песнею полнился славянский род.**

**Макошь седая судьбы нити тянет,
Веретено поёт в её руках.
Никто из нас в неизвестности не канет,
Обрывом став в невидимых полках.
Там Доля с Недолей, сплетаясь туго,
Ведут уток сквозь беды и уют,
Пока три мира — три небесных друга —
В единой Прави гимн векам поют.**

**И две сестры — как выдох или вдох:
Жива вспорхнёт зелёною листвою,
А Мара стелет зимний свой чертог,
Укрыв уставших ледяной фатою.
Не Смерть она, но долгий, мудрый сон,
Хранительница соков и корней.
Ведь каждый лист, что осенью сражён,**

Вернётся в Живе в свете вешних дней.

**Так движется великий Коловрат:
Огонь и Лад, Покой и Возрождение.
Пока мы помним этот древний уклад,
Не ведает душа в пути сомненья.
Пусть Леля юным смехом озарит,
А Мара сбережёт покой наследий.
Святая Русь на тех корнях стоит,
Плетя узор из будущих столетий.**

Перун-батюшка, громовержец могучий!

Славен буди, Перуне-батюшка, Сварожич светлый, брат Дажьбогу и Семарглу, грозы владыка и чести ратной хранитель. Не единым громом да молньями силен он — в них лишь малая часть силы его. Истинная мощь его — в незыблемом законе Прави, что правит миром от края и до края.

Чело Перуново венчают тучи грозовые, плечи облачены в плащ из ветров буйных. Очи — две синие зарницы, что пронзают тьму и видят всё, сокрытое от взора человеческого. В деснице его — секира золотая, коей рассекает он ложь и коварство, а в шуйце — щит, обтянутый кожей тура, ибо нет зверя яростнее и стойче в сече. Колесница его, влекомая двумя турами золоторогими, проносится по небосводу, и грохот копыт их рождает гром, от коего дрожат и небеса, и земля, и подземное царство Нави.

Когда же утихает буря и исторгается из туч дождь животворящий, сходит Перун с небес на землю. Ступает он по полям и лесам, и там, где прошёл след его,

земля становится плодоносной на семь лет, а вода в источниках — целебной на три оборота луны.

Державец громов, однако, не был бы полон без супруги своей, Долю-Додолю. Она — не просто жена, она — отражение силы его в мире тихом и мирном. Если Перун — молния, рассекающая тьму, то Додола — мягкий свет, озаряющий путь после грозы. Имя её — сама суть: «доля» означает и часть, и судьбу, и то, что выпадает человеку от рождения.

Додола — дева грозowych туч, но не туч гневных, а туч, несущих живительную влагу. Одежды её сотканы из дождевых струй, волосы — из нитей тумана, а венки на голове сплетены из белых лилий и васильков, ибо там, где она проходит, расцветают луга. Она — покровительница дождя, без коего не родит земля. И потому, когда муж её гремит и мечет молнии, Додола смягчает гнев его, переплавляя его в благодатный ливень. Она — та, кто прядет нить судьбы для каждого воина, но делает это не с роком железным, а с заботой матерей и жён.

Вместе они — неразрывная чета. Как небесный свод немислим без туч и молний, так и семейный очаг Перунов немислим без Долю-Додолю. Она стоит одес-

ную его, когда он вершит суд над недостойными, и шепчет ему слова мудрости, дабы гнев его был справедлив, а кара — очистительна.

От союза Перуна и Дофы-Додофы народилось семеро детей, и в каждом из них отразились черты родителей.

Старший сын, Святогор, пошёл в отца силушкой. Ростом он выше самых высоких гор, и когда он идёт по земле, стонет Мать-Сыра Земля, не в силах носить тяжесть его. Но духом он ближе к матери: не воин он, а страж застывший, созерцатель. Сила его — не в битве, а в терпении земном.

Дочь вторая, Полеля, — сама доброта и нега. Имя её означает «любовь после грозы», «поле согретое». Она ведаёт тайны брачных союзов, и где ступит нога её, там разгорается чувство чистое и крепкое. В руках её не меч, а ветка цветущей яблони.

Третьим родился Стовит — судия мудрый. Он унаследовал от отца способность зреть в самую суть, а от матери — милосердие к заблудшим. Сидит он у врат храма Перунова и взвешивает дела людские на весах из лунного света.

Сын четвёртый, Яровит, — огонь молодой, ярость воинская. Он — тот, кто ведёт дружины в бой, кто зажигает сердца жаждой подвига. Буен он, как молодой гром, но мать Дола-Додола научила его отступать вовремя, дабы ярость не перешла в безрассудство.

Пятая дочь, Цветана, — хранительница садов и лесов. От отца ей досталась сила, что разбивает тучи, а от матери — нежность, питающая каждый росток. Она наряжает землю в зелень и цветы после каждой грозы, и птицы поют ей хвалу.

Шестым родился Кродо — хранитель очага домашнего. Младший из сыновей, он не поднимает меча. Дело его — блюсти мир в каждом доме, где чтят заветы предков. Он напоминает, что даже самый могучий воин нуждается в покое и тепле родного крова.

Седьмая же дочь, Сива, — та, что ведает нитями жизни. Она — младшая, но самая таинственная. От отца ей досталась власть над временем (гром — мера мгновений между вспышкой и раскатом), а от матери — искусство прясть тончайшую нить. Сива прядет каждую человеческую жизнь, начиная её от рождения и до самого заката. Не судит она и не карает —

лишь следует тому, что наперёд узрели её бесстрастные очи.

Такова семья Перунова. Всяк из детей — часть целого. Ибо в грозе есть и мощь Святогора, и любовь Полели, и суд Стовита, и ярость Яровита, и красота Цветаны, и уют Кродо, и неотвратимость Сивы. И над всем этим — сам Перун-батюшка с Долой-Додолой, две половинки одного небосвода, где молния и дождь вечно тянутся друг к другу, дабы спаять небо и землю единой правдой.

Где Сварожья кузня мечет искры в вековую высь,
Там в плаще из буйных ветров грозы синие
сплелись.

То Перун идёт по тучам, мощь законов воплотив,

—
Не единым громом страшен, а тем Правды
лейтмотив.

В деснице — секира злата, лжи и подлости гроза,
Синим пламенем зарницы светят вещие глаза.

Следом шествует Додола в платье, сотканном из
брызг,

Укрощая тихим светом гневных молний резкий
визг.

Меж туманами волос её — васильковый яркий

цвет,

Там, где шла она — засухи и в помине больше нет.

Дева нежного ливня, дева ласковых дождей,

Милосердную судьбину прядет Парка для людей.

**Выше гор восстал старейший — Святогор, земной
колосс,**

Он отцову силу духа сквозь века в себе пронёс.

**Но не жаждет он сражений, он — созерцатель и
страж,**

Застывающий в граните, словно вечности мираж.

**А Полея — дочь неги, с яблоневою веткой в
руках,**

Разжигает искру чувства в остывающих сердцах.

**Стовит взвешивает судьбы на весах из лунных
нитей,**

**Мудрый судия, хранитель всех невидимых
событий.**

**Яровит же — вихрь ярый, вождь дружин и блеск
мечей,**

Жар сердец, огонь похода, пламя воинских речей.

Мать его учила в буре волю яростную сжать,

**Чтоб за правое лишь дело честный меч свой
обнажать.**

**Средь садов идет Цветана, птичий гомон вслед
летит,**

**Где она рукой коснётся — там подлесок заблестит.
Следом Кродо — младший воин, не поднявший
никогда**

**На соседа стали хладной, страх отринув навсегда.
Он хранит тепло очага, верность предкам и уют,
Где усталые герои отдохновение найдут.**

**Завершает круг седьмая — Сива, тайны госпожа,
В пальцах тонких нить людскую держит, трепетом
дрожа.**

**Мерит время между вспышкой и раскатом
громовым,**

**Смертных манит к горизонтам, к таинствам доселе
злым.**

**Так в семье Перуна-старца каждый гранью
отражен:**

В ярости — глоток покоя, в чести — милости закон.

**Две частицы небосвода, две судьбы в одну
сплелись,**

**Вспышкой молнии и влагой наполняют нашу высь.
Славься, Громовержец мудрый, и Додола, свет
полей,**

**В Вашей правде — корень жизни, сила всех
богатырей!**

**Пусть не меркнет пламя Рода, пусть в священной
тишине**

Гром гремит во имя мира на родной нам стороне.

Мать-Сыра Земля, кормилица щедрая!

Под стопами моими лежишь ты — живая, дышащая, трепетная. Прими поклон мой до самой росной травы, до сокровенной глуби. Благодарствую за хлеб на столе — румяный, тяжёлый, дышащий жаром печи; за тишину в лесу — густую, как мёд; за упорство корней твоих, что держат мир. Укрепи род мой на этой ниве, дай всходам нашим силу налиться колосом, а дому — теплоту глубинную, что из чрева твоего исходит, из самой сердцевины. Омой усталость мою соками целебными — травами, росами, земляной сыростью, — дай помнить: из праха твоего я пришла и в тебя же вернусь, и нет в том печали, а есть правда.

Тысячи лет люди взирали на тебя с надеждой и трепетом. Ты кормила их зерном — золотым, тягучим; поила родниковой водой — студёной, до ломоты в зубах; давала приют в тени лесов — шумящих, тёмных, древних. Но ты же и карала: насылала засухи — когда небо становилось медным, наводнения — когда реки выходили из берегов, землетрясения — когда под ногами ходила земля. В древности человек знал: ты —

не просто почва под ногами, не пыль и не грязь. Ты — живое существо, великая богиня, мать всего сущего. Славяне называли тебя Мать-Сыра Земля, и это имя звучало с трепетом, с надрывом, с любовью. Тебе приносили дары — первый сноп, последний колос, горсть зерна; тебя просили о благословении; перед тобой калялись в грехах — и ты слышала.

Когда пахарь выходил в поле, он не просто втыкал соху в землю, не просто резал пласт за пластом. Он совершал священный ритуал — древний, как сам мир. Он знал: каждая борозда — это рана на теле матери, но рана нужная, благословенная, чтобы родился хлеб. И он просил прощения за эту боль. «Прости меня, Мать-Сыра Земля, что тревожу тебя, что режу грудь твою. Дай силы семени, дай ростку пробиться к солнцу, дай колосу налиться тяжёлым зерном». И земля отвечала — всегда отвечала. Она принимала зерно, принимала его в себя, как мать принимает дитя; питала его своими соками, обнимала корни теплом и влагой, и к осени поле стояло золотое, тяжёлое, благодатное.

Но не только хлебом жил человек. Земля давала травы для лечения — от хвори, от тоски, от злого глаза; деревья для строительства — дубовые брёвна, сос-

новые доски, берёзовую кору; глину для горшков — звонкую, красную, податливую; камень для очага — серый, тёплый, надёжный. Каждая былинка, каждый ручей, каждый овражек были частью её тела, её дыхания, её голоса. И человек учился читать по ней знаки: если трава высокая — будет урожай, если муравьи строят муравейник высоко — к сырому лету, если лягушки квакают громко — к дождю, если берёза плачет — к оттепели. Это был язык земли — древний, мудрый, молчаливый, — и люди понимали его сердцем.

Времена менялись. Человек построил города — каменные, шумные, высокие; вымостил дороги камнем, укрыл землю бетоном и асфальтом — тяжёлым, душным, мёртвым. Он вырыл шахты, уходя вглубь до самого жара; осушил болота, где веками жили цапли и лягушки; повернул реки вспять, заставив их течь, куда ему вздумалось. Казалось, он стал хозяином, владыкой, князем, а земля — лишь ресурсом, лишь сырьём, лишь кладовой. Но земля терпела. Она помнила: сколько поколений носила на своей груди, согревая, кормя, укрывая; сколько крови и пота впитала; сколько слёз пролилось на неё. Она знала: человек — её дитя, пусть заблудшее, пусть глухое, но всё же дитя.

Природа не прощает наплевательства, не забывая

ет обид. Когда человек перестал чтить землю, когда забыл про поклон, про благодарность, про коленопреклонение, она начала болеть. Поля перестали родить, как прежде: хлеб вышел хилым, редким, горьким. Почва стала кислой, серой, безжизненной, как пепел. Моря отступали, обнажая гнилое дно, леса горели, и дым стоял над землёй чёрной стеной. И только тогда человек вдруг оглянулся — и увидел: мать его устала, изранена, измучена; дыхание её стало тяжёлым, прерывистым, хриплым. Он услышал, как земля плачет под грузом отходов, как задыхаются реки от химии, как пустеют степи, как смолкают птицы.

Но Мать-Сыра Земля не злопамятна, не мстительна. Она — мать. Она ждёт — терпеливо, как может ждать только мать; верит, когда уже не во что верить; надеется, когда надежды нет. Ждёт, когда дитя вернётся, когда вспомнит о любви — горькой, пронзительной, безусловной. И человек начал возвращаться. Он снова учится сажать деревья — берёзки, клёны, рябины; очищать реки — вычерпывать ил, убирать камни; восстанавливать почву — вносить перегной, золу, любовь. Он понимает: чтобы жить, нужно заботиться. Нужно не только брать — рвать, хватать, копить, — но и отдавать. Нужно удобрять перегноем, а не ядами; орошать с умом, с расчётом, с молитвой;

не истощать, а беречь.

Дом на земле — это не просто крыша над головой, не стены, не угол. Это место, где ты чувствуешь её тепло, где земля дышит тебе в спину. Дом, построенный из камня и дерева, стоит на фундаменте, который уходит вглубь — в самое сердце земли, в её живую плоть. И дом этот — не крепость от мира, от земли, от неба; не убежище, где ты прячешься, а продолжение земли — её дитя, её ветвь, её цветок. В нём пахнут травами — сушёной мятой, чабрецом, полынью; слышен шелест листьев за окном, чувствуется ритм природы — её пульс, её дыхание. Когда тыходишь в такой дом, ты снимаешь обувь у порога — не потому, что так принято, а чтобы нести земле уважение, а не грязь; чтобы чувствовать её ступнями — живую, тёплую, родную.

Омыть усталость соками целебными — это не просто слова. Земля лечит, и нет в мире лекаря мудрее. Полежать на траве в летний день — на спине, глядя в небеса; прижаться щекой к мшистому валуну — холодному, шершавому, пахнущему лесом; босиком пройти по тёплой пашне — ощущая каждой клеточкой стопы, как земля принимает тебя, вбирает твою тяжесть. В этом сила, которой нет в таблетках, нет в снадобьях, нет в заклинаниях. Земля забирает напря-

жение, вытягивает его из костей, из мышц, из самого позвоночника — как корни вытягивают воду из глубины. Она даёт покой — глубокий, живой, настоящий. И каждый, кто хоть раз ночевал в чистом поле, смотрел на звёзды и чувствовал, как вибрирует под спиной живая толща земли; кто слышал, как она дышит — ровно, глубоко, как спящий зверь; кто знал этот покой, — знает правду.

Род человеческий — это ветви одного дерева, корни которого уходят глубоко в землю. Мы все связаны — живущие, ушедшие, ещё не рождённые; связаны одной землёй, одной водой, одним небом. Не случайно говорят: «Где родился, там и пригодился». Земля предков — это не абстракция, не воспоминание, не метафора. Это место, где покоятся кости дедов и прадедов — перегнившие, ставшие перегноем, ставшие травой; где плакали матери, где бегали дети, где обнимались влюблённые. Эта земля помнит голоса — каждый голос, каждое слово, каждый вздох. И когда мы возвращаемся к ней — возвращаемся, чтобы поклониться, чтобы сесть на траву, чтобы приложить ладони к земле, — мы возвращаемся к себе

Из праха пришли и в прах вернёмся. Это не наказание, не приговор, не проклятие; это утешение — глубокое, как сама земля. В смерти нет конца, нет чер-

ты, нет пропасти. Есть круговорот — вечный, непрерывный, благословенный. Твоё тело станет травой — зелёной, сочной, живой; траву съест корова — и станет молоком, тёплым, густым; молоко выпьет ребёнок — и станет его жизнью. И так бесконечно, без начала и без конца. Земля — великий переработчик, великая кузня жизни. Она принимает мёртвое — холодное, неподвижное, безгласное — и превращает в живое: в цветок, в дерево, в птицу, в человека. Это вечный танец, бесконечная песня, и каждый из нас — её нота, её слово, её вздох.

Сегодня, когда мир торопится — бежит, летит, несётся, — когда люди забывают о главном, забывают о хлебе, о земле, о небе, важно помнить: под ногами — не просто грунт, не просто почва, не просто земля. Это живая, дышащая, любящая мать. Она кормит нас — и мы живы; поит — и мы не знаем жажды; лечит — и мы встаём на ноги; учит — и мы прозреваем; прощает — и мы продолжаем путь. Она ждёт — каждый день, каждый час, каждое мгновение — когда ты опустишься на колени и проведёшь рукой по траве; когда нагнёшься и прижмёшься щекой к земле; когда скажешь тихо, от всего сердца: «Благодарю». И тогда она ответит тебе — теплом из глубины, урожаем на поле, покоем в душе. Прими же, Мать-Сыра Земля, бла-

годарность нашу, поклон наш земной, любовь нашу.
Дай силы новым всходам — чтобы поднялись к солнцу;
дай дому нашему тепло — чтобы стены дышали;
дай нам мудрость помнить: кто мы есть, откуда пришли,
куда уйдём. Ибо мы — дети твои, земля, и нет у нас другой матери.

Под стопами моими — бессмертное чрево,
Дыханье колосьев и трепет корней.
Ты — древняя тайна, ты — плод и ты — древо,
Смиренная мать в сиянье огней.
Прими мой поклон до росы, до истока,
За тяжкую нежность горячих хлебов,
За то, что из бездны, из недр, из глубока
Ты греешь наш мир под покровом снегов.

Мы ранили грудь твою острой сохою,
Врезаясь в живые пласты глубины,
Но ты отвечала не злом, а листвою
И златом бескрайней твоей тишины.
Ты поила ключами до боли морозной,
Лечила от хвори сухой муравой,
Бывала ты кроткой, бывала ты грозной —
Медным зенитом и бурей шальной.

Мы строили кельи, мостили дороги,

**В асфальт зарывая твой ласковый лик,
Но ты всё прощала, отбросив тревоги,
Слыша сквозь камень наш стон или крик.
Ты ждёшь нас, заблудших, с любовью немою,
Как сына прощает усталая мать,
Готовая щедро целебной росой
Усталость и горечь со лба исцелять.**

**Из праха мы вышли — и в прах обернёмся,
И в этом не горе, а высшая связь:
Мы в шёпот листвы на заре отзовёмся,
В колосья и стебли преображаясь.
Нет смерти в земле — есть лишь круг
возвращения,
Омоется корень прохладной водой,
И старых молитв золотое свечение
Пробьётся из пашни над новой бедой.**

**Окрепни же, род, на целительной ниве,
Пусть дом наплатит земное тепло.
Мы станем мудрее и станем счастливей,
Почуяв, как дышит под нами светло.
Благодарствую, Мать, за терпенье и силу,
За каждый росток, за смиренный покой,
Храни нас, родная, от края до тыла
Своею широкой и тёплой рукой.**

Велесе, мудрый, скотий бог, путник межмирья!

Будь со мною на всяком распутье.

Велес, иначе Волос — божество древнерусского родного пантеона, «скотий бог». По слову основного предания, Велес — одно из великих божеств славянского мира, змеевидный владыка, живущий на сырой земле, вечный противник небесного громовержца Перуна. Происхождение имени его окутано прениями мудрецов: одни возводят его к праславянскому корню вол, что значит волос и шерсть, видя в нём первородную связь со звериным царством; другие слышат в имени отголоски древнего индоевропейского слова, что означает владыка и повелитель. Велес зовётся также скотьим Богом — покровителем домашней скотины, а значит, и всякого достатка и изобилия в общине. Но власть его не замыкалась на пастбищах. Он — покровитель скотоводства и плодovitости; покровитель странников, музыкантов и певцов; владыка трёх миров: горнего, где пасутся души предков, земного, где живут люди и звери, и подземного, куда уходят мёртвые. Эта тройственная природа по-

ставила его посредником между мирами, стражем на пороге, провожатым в Навь и судьёй, что решает, куда отправиться душе: во тьму или в Светлую Правь. Извечен его спор с Перуном: Велес похищает у громовержца небесные стада, и Перун мчится за ним, мечет молнии. Велес прячется под деревом или за камнем, оборачивается человеком, коровой или конём, а Перун в гневe рассекает дерево, пускает стрелы-молнии, раскалывает камень — и тогда проливается на землю дождь, несущий плодородие. Идёт предание о любви Велесовой: странствуя между мирами, повстречал он деву, чьё имя стёрлось из народной памяти. Была она духом лесных туманов — лёгкой, как вздох, и непостоянной, как утренний иней. Велес полюбил её, но их союз не сбылся: он принадлежал трём мирам, она — лишь границе между ними. Каждый раз, когда он приближался, она таяла в воздухе, оставляя на ладони его лишь влажный след. Отпечаток медвежьей лапы славяне издавна чтили как личную печать Велеса и его священный знак. Шестиконечная звезда, или Велесов щит, — другой его оберег. Люди ковали амулеты, что хранят от зла и напасти, чаще всего в виде медвежьей или волчьей лапы.

Велесе, мудрый, скотий бог, путник межмирья! Будь со мной на всяком распутье. Когда дорога раздваива-

ется, когда ветер стихает в самой чаще, когда душа колеблется между правдой и кривдой — яви свой след. Пусть он будет невидим глазу, но ощутим сердцем. Ты, кто ступал по хребтам трёх миров, знаешь, что всякий путь — это странствие, и даже самый прямой тракт ведёт через дебри Нави. Научи меня видеть не только землю под ногами, но и ту незримую нить, что связывает живых с мёртвыми, а стада земные — с облачными пастбищами предков. Подай знак, когда я собою с дороги: пусть вороний грей укажет верную тропу, или внезапная тишина остановит меня перед пропастью.

Ты — не только владыка богатства, что даётся через приплод скота и тучные нивы. Ты — бог той глубины, где корни деревьев переплетаются с костями древних, и где змей, свернувшись в клубок, хранит тайну перерождения. В твоём обличье — медвежья мощь и змеиная мудрость. Ты учишь нас, что изобилие — это не только звон монет, но и тёплая шкура, что греет в мороз, и верный посох, что не подведёт в пути. Потому, когда я зажигаю свечу на перекрёстке, я прошу не о золоте, а о том, чтобы мои стада — мои дела и начинания — не ведали болезней, а тропы моих странствий не заросли крапивой забвения.

Старые люди говорили, что каждый след медвежьей лапы на снегу — это твоя печать, скрепляющая договор между явью и навью. И когда я сжимаю в горсти оберег, вырезанный из корня, я чувствую не тепло дерева, а дрожь границы, где мир земной соприкасается с миром теней. Ты, кто похитил небесное стадо у самого Перуна, кто прятался под камнем и под корягой, кто пел так, что травы никли к земле, — ты знаешь, что любое творчество есть кража сакрального. Музыка, стихи, сам ремесленный замысел — всё это не рождается в людском уме, а уводится из высших пастбищ твоей волей. Потому я прошу: дай мне смелости ступить туда, куда простому глазу не заглянуть, и вернуться с добычей — словом, мелодией или просто с ясностью мыслей.

И помни, что любовь твоя — как утренний туман, невесома и вездесуща. Она не обжигает, как молния Перуна, но пронизывает всё живое влагой, от которой просыпается семя в земле. Дева лесных туманов, чьё имя стёрлось, оставила тебе дар — понимание того, что объять невозможно, но можно ощутить каждой клеткой. Так и я: не пытаюсь удержать мир в кулаке, но хочу пройти по нему до конца — до того самого порога, где ждут предки с чашей мёда. Будь со мной и в час, когда душа готовится к переходу через Смороди-

ну-реку. Приди, как должно, обернись медведем или старым пастухом, возьми за руку и проведи тропой, которая ведёт домой — туда, где облака пасутся по лугам, где нет ни боли, ни устали, а есть только вечный покой и звёздная тишина.

О женах Велеса предания сохранили лишь обрывки — словно туман над утренним лугом: видишь очертания, но стоит приглядеться, и они тают, ускользая в белесую пустоту. Исследователи славянской мифологии сходятся в том, что у Велеса не было единой супруги, навеки закреплённой в пантеоне, как у Перуна — Перуница, или Дола-Додола. Его брачные союзы всегда отражали его тройственную природу: водную, земную и подземную. Одной из самых устойчивых фигур называют Макошь — богиню влажной земли, прядения и судьбы. Если Перун оплодотворяет землю дождём, то Велес соединяется с ней глубоко под поверхностью, в тех слоях, где корни встречаются с мёртвой водой. Их союз — тёмный и тихий, без раскатов грома, но от него рождаются русалии и полудницы — духи плодородия, что бродят по полям и берегут урожай. Макошь прядёт нити человеческих жизней, а Велес пасёт души, сошедшие с этих нитей, — так два божества держат мир в равновесии, не вступая в открытый брак, но заключая тайный уговор у подножия Миро-

вого древа.

Другое предание говорит о связи Велеса с Ящером — хтоническим существом, владыкой вод и недр. Некоторые учёные, предполагали, что Ящер — ипостась самого Велеса или его извечный спутник, ибо змеевидность обоих указывает на общую природу. В этой версии «женой» Велеса выступает сама Земля в её влажном, болотистом обличье — топь, что засасывает и удерживает. Их дети — кикиморы и болотники, существа, которые не столько злы, сколько равнодушны к людским делам. Они хранят клады — не золото, а древние знания, утопленные в чёрной жиже. Если человек решался искать такое знание, он шёл на болото с жертвой — горшком мёда или чёрным петухом — и просил Велеса открыть пути сквозь трясину. Но редко кто возвращался: дети Земли и Владыки Нави не прощают праздного любопытства.

Детей Велеса народная память сохранила немного лучше. Самый знаменитый его отпрыск — Святогор, могучий великан, что жил в Святых горах и не мог сойти с них, потому что земля не держала его веса. По одной из версий, Святогор родился от связи Велеса с богиней Зимой — Мареной. Марена, царица холода и смерти, однажды увидела, как Велес пасёт тучи-стада

на краю Нави, и позавидовала его власти над душами. Она пришла к нему не как гостья, а как буран, и от их союза, в котором смешались сковывающий холод и земная мощь, родился сын, способный держать на плечах небо. Но Святогор унаследовал от матери отрешённость и одиночество — он не стал покровителем людей, а остался стражем, что смотрит с горных вершин на мир, где ему не нашлось места.

Другой сын Велеса — Соловей-разбойник, тот самый, что сидел на семи дубах и свистом гнул деревья к земле. В былинах он предстаёт чудовищем, врагом Ильи Муромца, но корни его образа уходят глубже. Соловей — дитя Велеса и Лесной Девы, той самой, чьё имя стёрлось. Унаследовав от отца голос, способный пронзать миры, а от матери — текучесть и неукротимость, Соловей стал воплощением непокорной стихии. Он не был злым — он охранял границу между лесом и полем, между дикой природой и человеческим миром. Илья Муромец, победив его, тем самым прокладывал дорогу новому порядку, где богатыри берут на себя функцию стражей, прежде доверенную сынам Велеса. Но в каждой былинке остаётся намёк: если вырубить эти семь дубов, лес замолчит, и человек останется без тайны — а тайна, как учит Велес, нужна не меньше, чем хлеб.

Наконец, есть в преданиях упоминание о дочерях Велеса — вещих девах, которых позже народная вера превратила в русалок. Их матерью называют то Макошь, то морскую царевну, которую Велес встретил, когда переплывал Смородину-реку. Эти девы не тонут и не умирают — они живут на грани, между водой и воздухом, и знают будущее, потому что смотрят сквозь время так же легко, как сквозь воду. В северных сказках их зовут «Велесицы» — они приходят к детям во сне, шепчут на ухо забытые слова, учат понимать язык зверей. И если человек оказывается достаточно чист сердцем, одна из таких дев может стать его хранительницей — не женой, а сестрой или дочерью по духу. Так Велес продолжает себя не только в крови, но и в тех, кто слышит шёпот межмировых ветров.

**На перекрёстке трёх путей, где стынет мгла,
Где корень древа пьёт из вечного колодца,
Твоя десница в мир теней меня вела,
Туда, где истина со скрытым мраком бьётся.
Владыка стад наземных и небесных нив,
Ты в шкуре зверя сторожишь порог туманный,
Меж Правью, Явью и Навью, очи склонив,
Хранишь сей мир, великий и нежданный.**

Будь со мной, Велес, на всяком крутом распутье,
Когда во мгле, метаясь, стихнет голос мой,
Когда судьба затянет ледяные путы —
Яви свой след, пройди незримо предо мной.
Волхв и гуслиар, ты знаешь песен тайный лад,
Что украден у звёзд, у огней предвечных.
Ты — тихий шёпот трав, ты — змеевидный взгляд,
Что видит суть вещей в коловращениях млечных.

Ты сокрыт под камнем от молний грозových,
Ты — медвежьей лапой скрепляешь все союзы.
В твоих ладонях — души мёртвых и живых,
И вечный ритм твоей неведомой обузы.
И как туман лесной, что тает без следа,
Твоя любовь дрожит на острие рассвета —
Святая горечь, неземная береда,
На все вопросы не дающая ответа.

Когда ж сойду к реке, где Смородина течёт,
И Калинов мост прогнётся под стопую,
Приди пастушьям посохом прервать мой счёт,
Окутай Навь своей прохладой и покоем.
Пусть вороньё поёт о правде и о лжи,
А я пойду за шкурой бурою в дубраву.
Ты путь домой мне сквозь туманы укажи —
В чертог Богов, в исконную седую Славу.

Даждьбоже, светлый, податель благ!

Даждьбоже светлый, подателю благ! Воззри на нас с высоты своей, милостивый, ясным оком. Не злата прошу, не излишеств — прошу света твоего тёплого, что слёзы осушает и зерно в колосе растит. Озари путь дневной, дабы труд был в радость, а отдых — в сладость. Дай силы рукам нашим творить дела добрые под солнцем твоим. Пусть луч твой, как стрела золотая, укажет дорогу к правде.

Имя Даждьбога восходит к праславянскому корню — глаголу «дать» и имени «бог». Сие сочетание толкуется как Бог дающий или Податель благ. Многие исследователи отождествляют Даждьбога со Сварогом — Божьим кузнецом и Отцом Небесным. В хронике Иоанна Малалы он назван сыном Сварога и отождествлён с Солнцем.

Даждьбог сочетал две основные ипостаси: в природе — податель света, тепла и плодородия; в обществе — источник княжеской и царской власти.

Символы, связанные с Дажьбогом: Солярный круг с четным числом спиц (4, 8 или 12) — образ Солнца, которым повелевает бог. Равносторонний крест — знак мирового единства, его лучи — четыре стороны света, четыре времени года, четыре стихии. Руна Дажьбога — символ процветания и удачи.

Славянские народы издревле ощущали присутствие Дажьбога в каждом дне своей жизни. С первым лучом солнца, что пробивает утренний туман, крестьянин выходил в поле, зная: божественный свет не просто согревает землю, но и наполняет её животворной силой. Верили, что без благословения этого Бога нива не даст урожая, а скот не принесёт приплода. Потому перед началом сева совершали особые обряды: на востоке зажигали костры, обращались к светлому лику с молитвами, а в дар приносили хлеб и мёд — символы той самой земной и небесной сладости, о которой просили в песнопениях. Солнце было мерой времени, опорой календаря, и Дажьбог воспринимался как верховный гарант порядка — смены дня и ночи, времён года, самого хода жизни.

В княжеских дружинах и на вечевых собраниях имя Дажьбога произносилось как залог справедливой власти. Князь, принявший венец от своих под-

данных, считался наместником солнца на земле; его долгом было беречь родную землю, как солнце бережёт небосвод. Щиты с изображением солярного круга несли в бой, веря, что свет бога разит врагов и защищает воинов. В летописях сохранились упоминания: знамя с ликом Дажьбога поднимали перед решающими битвами, а жрецы-хранители, волхвы, в дни зимнего солнцестояния пророчили князьям силу и долголетие, пока те следуют заветам подателя благ.

Не менее важна была и мистическая роль Дажьбога в жизни каждого человека. Его руна, вырезанная на деревянных амулетах или вытканная на одежде, считалась мощным оберегом от неудач, болезней и недобрых взглядов. Когда в дом приходила беда или наступала чёрная полоса, люди обращались к солнцу не как к далёкому светилу, а как к живому и внимательному родственнику, отцу, который никогда не оставит своих детей. Считалось, что именно Дажьбог провожает души предков на небесный луг, где они ждут перерождения, и от него же зависит, вернётся ли дух в новый род. Потому в праздники, посвящённые солнцестоянию, поминали мёртвых, ставя им на подоконники блины и кутю — так соединяли мир живых и царство ушедших под покровительством единого светлого начала.

С течением времени, с принятием христианства, образ Дажьбога не исчез бесследно. Он растворился в народных поверьях, в обрядах, связанных с почитанием Ильи Пророка, Егория Храброго и Спаса-Солнца. Крестьяне по-прежнему выходили на поля с молвой «на восток», примечали солнечные затмения как знак гнева или печали, а в песнях и сказках продолжали жить строки: «солнце — батько, а земля — маты». Дажьбог стал символом той глубокой, родовой связи славян с природой, которую не смогли разорвать никакие догмы. И сегодня, когда человек поворачивается лицом к восходящему светилу, он — сознательно или нет — повторяет древний зов: «Дажьбоже, приди, свет даруй!», продолжая тысячелетнюю традицию благодарности и надежды.

Майя Златогорка, первая супруга Дажьбогова, не простой женщиной земной была — из древнего рода великанов-исполинов происходила, дочерью самого Святогора могучая Пленка родила её, и сила в ней текла, равная силам небесным. Волосы её чистым золотом отливали, и молва народная донныне хранит: когда Майя по полю ступала, колосья до самых ног её клонились, птицы небесные умолкали, дабы голос её дивный услышать. Была она воплощением утренней

Зари — светлой, тёплой, щедрой, как земля после дождя. От неё Дажьбог двух сыновей обрёл: Коляду, что принёс людям праздник солнца зимнего, и Авсенья, что весну разбудил ото сна. Да только счастье их недолгим оказалось: ушла Майя в тёмный мир Нави, и дух её, по преданиям древним, с духом самой Марены слился, словно свет в сумерках тает. Имя её в обрядах живёт: в день Златогорки девицы косы золотыми лентами украшают и красоты с плодородием у неё просят.

Марена, вторая жена, явилась в жизнь Дажьбогову как тень чёрная, как испытание тяжкое. Богиня зимы, смерти и ночи глухой, полной противоположностью Майе была: кожа её бела, как первый снег, очи — как вода омутная, тёмная, а голос тих, да властен. Околдовала она Дажьбога, и тот, ослеплённый красотой её, в жёны взял. От союза того родился сын Богумир — прародитель многих племён славянских. Но не могла Марена в тепле и свете жить: душа её к холоду да тьме тянулась. Сбежала она с Кощеём, внуком Чернобога, и оставила Дажьбога с сердцем разбитым, с горьким уроком: что даже боги обмануты бывают. В народе её со страхом почитали: в дни Марены чучела сжигали, зиму провожали, и молились, чтобы в дом она не заглядывала до года нового.

Жива, третья жена, стала для Дажьбога спасением и наградой небесной. Богиня жизни, любви, весны и лета красного, явилась она из лесов и полей, когда солнце в зените стояло. Волосы её цвета спелой ржи были, очи — как васильки июньские. Не ведала Жива коварства, чиста и деятельна была: где нога её ступала, там цветы распускались, в ручьях вода слаще становилась. Спасла она Дажьбога из плена Кощеева, разорвала цепи любовью своей и стала ему верной спутницей. Родились у них два сына — Кисек и Арий. Жива научила людей радоваться каждому дню, песни петь и смерти не бояться, ибо за зимой всегда лето приходит.

Каждая из жён Дажьбоговых след свой в мире славянском оставила. Майя Златогорка подарила людям круг праздников — от Коляды до Авсенья, напоминая: свет рождается даже в ночи самой тёмной. Марена, хоть и горе принесла, научила тепло и жизнь ценить, а уход её стал знамением: зло уходит, если сила духа есть. Жива же соединила землю и небеса, труд и радость, дала людям не только зерно да скот, но и искусство жизни в мире и ладу. В песнях народных всех трёх поминают: Майю — как звезду утреннюю, Марену — как вьюгу зимнюю, Живу — как полдень лет-

ний. И каждая была частью великого Дажьбога, который, как солнце ясное, через все времена года проходит, чтобы к свету вечно возвращаться.

**Из бездны Сварги, из чертогов звонких,
Где молот деда куёт небесный свод,
Струится свет на лицах душ исконных,
И солнцеликий к нам Бог идёт.
Не в злате скрыт, не в блеске гордой ризы —
В тепле луча, что сушит капли рос,
Он внемлет нам, склонившись к самым низам,
Податель благ, в чьих косах пламя кос.**

**Дажьбоже светлый! Предков наших корень,
Ты — Сын и Бог, небесный исполин.
В твоих руках — земной и горний строй,
И злак в полях, и властных слов рубин.
Когда восток багряной лентой вскрыт,
И плуг вгрызается в сырую плоть земли,
Твой дух в зерне и в каждом колосе сокрыт,
Чтоб на столах душистый хлеб пекли.**

**Четыре спицы в солнечном кругу —
Как крест святой, как время и пространство.
Ты в лютый холод, в бурю и в пургу
Хранишь миров незыблемых убранство.
Твоя руна — как зов благой удачи,**

Как щит дружины в яростном бою,
Чтоб враг бежал, от стрел палящих плача,
Узрев вождей и истину твою.

Ты княжью власть венчаешь ореолом,
Ты мерой лет проходишь по судьбе.
Перед твоим сияющим престолом
Мы родом всем поклонимся тебе.
Провожатый душ на золотые луга,
Где предки ждут полночного прилива,
Ты выжигашь скверну и снега,
Чтоб жизнь была обильна и красива.

И пусть века сменили лики древних,
И старых капищ стёрся горький след —
Всё так же в сёлах, избах и деревнях
С молвой встречают утренний рассвет.
В Илье-пророке, в Спасе изначальном,
В узоре трав и в поступи веков
Живёт твой свет, победный и печальный,
Нас вызволяя из немых оков.

Даруй нам, Боже, не покой холодный,
Но труд во благо под лучистым днём,
Чтоб каждый был в деяниях свободный,
Крещённый правдой и твоим огнём.

**Веди нас к цели стрелами златыми,
Пока вершатся жизни времена,
Пока сияет над полями родными
Твоё святое с солнцем Имяна.**

Леля дева весенняя, краса земная!

Услади сердце моё песней жаворонка, утренней росю.

Направь в дом мой лад да любовь, чтобы супружество было крепким, а дети росли в нежности.

Окружи род мой хороводом согласия, дабы ссора обходила нас стороной, как тень от облака.

Научи слушать шёпот реки и разуместь язык цветущего сада.

Леля изображалась молодой девушкой с венком из цветов; в руках её часто был символ плодородия — плод или цветок. Образ её дышал нежностью, красотой и свежестью, что являются в первых шагах жизни. Леля — дочь верховного бога-кузнеца Сварога и Лады-Богородицы, праматери всего живого. Её брат-близнец Лель олицетворяет юношескую страсть и любовное влечение. Сама же Леля молода, всегда весела и игрива, нрава доброго и отзывчивого.

Наибольшую силу Леля имеет весной, когда идёт берёзовый сок. Её день недели — понедельник.

Юность и любовь: Леля символизировала первую

любовь, юношеские увлечения, вдохновение и стремление. Она вдохновляла людей на поиски второй половинки, на надежды и мечты о будущем, являя чистоту и искренность первых чувств.

Цветение и процветание: Леля связана с цветами — символами красоты, нежности и веселья. В народных праздниках её чествовали как Богиню цветения; устраивались гулянья, пели песни и водили хороводы.

Плодородие: несмотря на свою связь с юностью, Леля имела отношение и к плодородию, ибо любовь и молодость — источник будущих поколений. Праздники в честь Лели включали ритуалы, направленные на привлечение урожая и плодородия.

С приходом весны Леля вместе с Ярилой освобождает землю от ледяных оков Марены — богини зимы и смерти. Эта былина отражает вечный природный цикл: первые тёплые ветры и пение птиц — весть о приходе Лели; таяние снегов и бегущие ручьи — её живительные слёзы, смывающие холод.

Обережный знак Лели в современном искусстве часто изображают в виде фигуры, напоминающей руну Одал из старшего футарка. Этот символ связывают

с наследием рода, верностью и защитой домашнего очага.

Священное дерево — берёза. Берёза в славянской культуре — символ чистоты, света, весны и женственности: её белый ствол ассоциируется с девичьей красотой, а нежная зелень листвы — с пробуждением жизни после долгой зимы.

Ярило — супруг Лели, Бог весеннего солнца, плодородия и неукротимой страсти. В славянской культуре он являл собой ту первозданную силу, что пробуждает землю от зимнего оцепенения, даруя ей жизнь, тепло и зелень. Его изображали молодым, прекрасным юношей с русыми волосами, сияющими, словно спелая рожь, и голубыми глазами, чистыми, как небо после дождя. Облаченный в белые одежды, с венком из первых весенних цветов на голове, он сжимал в руке то спелый колос, то копьё с навершием в виде человеческого черепа — напоминание о том, что за буйством жизни всегда стоит неумолимый рок. Ярило был не просто богом любви; он был воплощением яростной, всепобеждающей стихии, что гнала прочь тьму и последний холод. В отличие от нежной Лели, чья любовь была тихой и трепетной, как первый робкий росток, Ярило нёс в себе огонь, бурление и неустанное движе-

ние. Он не мог вечно пребывать рядом с женой, ибо весна уступает лету, и его жаркий разгар приходился на иную пору, когда Леля уже отдавала миру свои неспешные силы. Свадьба Лели и Ярилы была самой радостной весенней мистерией; их союз олицетворял соединение неба и земли, дарующее плодородие и бесконечное продолжение жизни.

От союза Лели и Ярилы родились дети, которым суждено было продолжить их великое дело. Первенцем стала Рада — Богиня радости и вселенской гармонии. От матери она унаследовала нежность, от отца — искрящийся, невесомый свет. Рада любила водить хороводы с лесными духами и утешать тех, чье сердце томилось в разлуке. Её голос напоминал журчание ручья после долгой засухи; стоило ей засмеяться — и на небе тотчас расцветала радуга. Сестры и братья называли ее «усладой», ибо она приносила мир в самые растерзанные, измученные души. Вторым ребенком стал Купала — юноша с огненным взглядом, в котором смешались отцовская страсть и материнская красота. Он возмужал к летнему солнцестоянию, когда ночи становятся короткими, а травы наливаются соком и силой. Именно Купала зажигал священные костры и учил людей находить цветок папоротника — знак сокровенного знания и исполнения самых заветных желаний. От него пошел обычай прыгать через

пламя в ночь на Ивана Купала, чтобы очистить душу и укрепить тело.

Третьим ребенком была Лета — дочь, чье имя означало «лето», но ее характер разительно отличался от брата и сестры. Она была молчаливой, задумчивой и любила уединение в тени вековых дубрав. Лета не стремилась к шумным праздникам; её дар заключался в способности слышать голоса увядающих трав и утешать осенние ветры. Она знала тайну перехода от цветения к покою, потому и стала покровительницей границ между мирами и временами года. Люди верили: если Лета пройдет по полю — колосья нальются тяжелым золотом, а если коснется воды — реки станут тёплыми до самого заката. Четвертым ребёнком стал Лад — сын, что родился на границе весны и лета. Он не обладал яркой внешностью брата или звонким смехом сестры, но в нём чувствовалась удивительная внутренняя сила, глубокая и тихая, как корни старого дерева. Лад научил людей строить дома так, чтобы в них всегда царил покой. Его считали хранителем семейного очага в самом глубоком, священном смысле этого слова: он не разжигал костры, но помогал душам родных людей пребывать в вечном согласии.

Вместе дети Лели и Ярилы составляли единый круг

— от рождения до увядания, от страсти до мудрости. Они учили людей тому, что любовь не заканчивается на первых чувствах, а перетекает в разные формы: в радость бытия, в силу преодолений, в спокойствие зрелости и в тихую заботу о доме. Семья эта была воплощением самого жизненного цикла, где каждое дитя отвечало за свою пору, не нарушая общей, предвечной гармонии. И хотя Ярило часто уходил из дома странствовать по полям, а Леля всё глубже погружалась в мир березовых рощ, их дети никогда не оставляли родителей в одиночестве. Они сплетали свои песни с шёпотом трав и плеском рек, так что любой человек, вслушавшись в весеннюю капель или летнюю грозу, мог уловить их голоса — голоса тех, кто был рождён самой жизнью и её бесконечной любовью.

Вскипела высь небесной синевою,
Над миром жаворонок песнь свою пролил.
Умой мне сердце утренней росой,
Чтоб я в ладу и в доброй силе жила.
Приди, Богиня, в дом мой светлым кругом,
Чтоб в нём любовь, как дивный сад, цвела,
Чтоб шли мы век за веком друг за другом —
В согласье два заботливых крыла.

Дочь кузнеца Сварога и Лады-матушки,

**Ты — внешний вдох, нектар живой мечты.
В руках твоих — плоды земной отрады,
В твоих кудрях — душистые цветы.
Отступит тень обидчивого слова,
Как облако, растает злой раздор,
Когда в кольцо сплетается основа
И множится семейный разговор.**

**Послушай: речки ропот серебристый
И шёпот сада в кружевной тени...
Ты в соке предвесеннем, в бересте чистой
Хранишь молодой любви святые дни.
Твой понедельник — таинство начала,
Твой юный лик — надежды чистый свет.
Ты нежностью своей сердца венчала
И в верности давала нам обет.**

**Когда Ярило жжёт лучами снег остывший
И слёзы Лели льются по ручьям,
Марена-смерть, простор не покоривший,
Уходит прочь к седым небытиям.
Как руна Одал — знак святого рода —
Ты бережёшь домашний наш очаг.
В тебе — расцвет и женская природа,
И первый за порог идущий шаг.**

**О, берегиня искренних стремлений,
Белёсый ствол берёзы освяти!
Пусть в нежности растут плоды поколений
На долгом и заветном их пути.
Веди же нас хороводом согласия,
Где каждый вдох — созвучье двух сердец,
В обитель вечную безоблачного счастья,
Где песне жаворонка вторит Бог-отец.**

Стрибоже, владыко воздушных путей, вестник и вольный дух!

**Дай мысли моей лёгкость твоих высот, а сердцу —
простор небесной сини.**

**Не увлекай в пустые выси, но научи различать вея-
ния судьбы в шелесте листвы и в свисте стрелы.**

**Очисти дыхание моё от тягот земных, дай ему силу
наполнять паруса духа для верного пути.**

**Будь попутным ветром для добрых замыслов моих
и развей туманы сомнений.**

**Стрибог, владыка воздушных путей, не знает по-
кою. Его стихия — вечное движение, от лёгкого ду-
новения до свирепого урагана, раздирающего небеса.
Он — вестник, чей голос слышен в шелесте ковыля
и в завывании вьюги. Но даже самому вольному вет-
ру нужен якорь, место, куда он возвращается, чтобы
набраться сил. Таким причалом для Стрибога стала
Немиза.**

Немиза не была Богиней ветра. Её стихия — вода, но не та, что течёт в реках, а та, что застывает в облаках, туманах и утренней росе. Она — повелительница влаги, что висит между небом и землёй. Где Стрибог — порыв и натиск, там Немиза — тишина и ожидание. Она собирает разогнанные им ветры в плотные завесы, превращая невидимое в зримое. Говорят, что когда Стрибог слишком разбушевался, именно Немиза успокаивает его, опуская на землю мягкий туман, в котором тонут все звуки и гнев утихает. Их союз — это брак силы и формы, движения и покоя: ветер наполняет паруса, а влага не даёт им истлеть на солнце.

От этого союза родились дети, унаследовавшие черты обоих родителей. Старшим был Посвист — Бог бури и урагана. Он пошёл в отца: такой же стремительный, но лишённый мудрости. Когда Посвист вырывается на волю, он срывает крыши домов и валит столетние дубы, не разбирая, где добро, а где зло. Мать Немиза часто печалится, глядя на его разрушения, и старается смягчить его порывы, посылая следом проливные дожди, чтобы увлажнить иссушенную землю и прибить пыль.

Вторым сыном стал Подага — Бог жаркого, иссушающего ветра, что приходит с южных степей. Он не

столь яростен, как старший брат, но коварен. Подага не сбивает с ног, а медленно вытягивает силы, сушит реки и сжигает урожай. В его дыхании слышен шёпот пустыни. Немиза не любит его, ведь он пьёт её влагу, превращая облака в пустую дымку. Когда Подага вступает в спор с матерью, начинается великая сушь, и люди молятся, чтобы Стрибог разогнал нечестивого сына.

Но была у Стрибога и Немизы и дочь — Сива. Она не похожа на братьев. Сива унаследовала от отца лёгкость и свободу, от матери — мудрость и заботу. Она — Богиня осеннего ветра и плодородия. Не того плодородия, что даёт хлеб, а того, что разносит семена по полям. Сива не ломает деревья, а ласково качает их, стряхивая созревшие плоды. Ветер в её руках становится добрым помощником для пахаря и морехода. Именно Сива, по преданию, научила людей ставить флюгера, чтобы видеть, откуда приходит удача, и закреплять сети, чтобы ветер не унёс их в море.

Но есть в небесном чертоге и тот, о ком говорят шёпотом, — третий сын, имя которому Вихрь. Он родился в час, когда ярость Стрибога встретилась с бессилием Немизы, которая не могла его унять. Вихрь — это воплощение хаоса, не знающий ни отца, ни ма-

тери. Он не слушается никого, даже самого Стрибога. Его путь — это воронка, затягивающая всё живое. Немиза плачет о нём, но её слёзы только питают его влагой, делая тёмным и тяжёлым. Говорят, что когда Вихрь поднимается, боги закрывают лица, а люди прячутся в погреба, потому что в его реве слышен не ветер, а сама бездна.

Так и живёт эта божественная семья: Стрибог гоняет облака по небу, Немиза собирает их в дождевые тучи, Посвист и Подага напоминают о силе, что может быть разрушительной, Сива дарует надежду и урожай, а Вихрь — вечное напоминание о том, что даже у ветра есть тёмная сторона, которую нельзя приручить, но можно только переждать.

В чертогах синих, где зарёй омыты
Края небес и шёпот ковыля,
Столы ветров Стрибогом ныне крыты,
И кружится под бременем земля.
Там ярость бурь в объятиях тумана
Смиряет пыл, теряет дикий нрав,
Где кротость Немизы — живая рана —
Врачует боль опустошённых трав.

Разверзлась высь. В союзе льда и гнева

Рождался Посвист — яростный набег,
Он рушит мир под горький плач припева,
Сминая сад и укорачивая век.
А следом шёл Подага, дух пустыни,
Степным пожаром выпивая жизнь,
В его очах — мерцанье мёртвой сини,
В его шагах — иссушённая высь.

Но сквозь золу, сквозь морок и развалины,
Летит Сива, прозрачна и легка,
Её ладони нежностью повалены
На золотые, спелые луга.
Она — весна осеннего наряда,
Надежды дух и мудрый женский взгляд,
Что заменяет горечь листопада
На семена, что в почве мирно спят.

А в сердце бури, там, где свет не властен,
Где стонет мрак и гибнет красота,
Безумный Вихрь, неистово несчастен,
Сметает смыслы, рушит берега.
В нём нет любви, в нём нет первоначалья,
Лишь бездна, что не ведает границ,
Где захлебнулось время под вуалью
Истлевших чувств и незнакомых лиц.

**Пусть рок летит стрелой неощутимой,
Сквозь звон оков и тернии пути,
Я стану килем, небом догониным,
Чтоб берег свой за тучами найти.
О, ветер мой, ни добрый, ни суровый,
Возьми меня в свой бег, в свой вечный свет,
Чтоб дух, коснувшись истины первоосновы,
Оставил в звёздах ясный, чистый след.**

Макошь, матушка-судьбопряха, держательница нитей живых!

Склони свой лик к жребию моему. Не прошу я узора причудливого, не ищу путей окольных.

Дай же мне мудрость принять твоё свивание, крепость — для узлов испытаний, терпение — для ровного течения пряжи.

Научи руки мои ткать полотно дней в лад с замыслом твоим, не рвать понапрасну нить, но и не пускать её на волю случая.

Оживи ту основу, что от тебя исходит, силой роста, подобной льну под солнцем.

Да пребудет в каждом витке жизни моя дыхание Твое — неспешное, яко движение веретена в дланях опытных пряхи. Егда приходит час распутывать спутанное, вложи в персты мои не суетливость, но зоркость. Да узрят очи мои не узел, претящий пути, но точку соединения, где сретаются воля моя и замысел Твой. Не даждь ми во гневе рассекати то, что связано любовью, и не попусти в лености оставлять недовязанным то, что требует свершения. Ибо ведаю: всяка петля, пропущенная днесь, прорехою станет завтра, а

всяк узел, затянутый с молвою, обернётся опорю.

Ты, держащая в горстях начала всех начал, воспомяни ми, что нить моя не одинока в полотне мироздания. Сплетается она с нитями братий и сестёр моих — тех, ихже люблю, и тех, с нимиже свела мя дорога. В сплетении сем не всегда царит гладь; бывают трения, егда нити трутся друг о друга, возжигая жжение. Но даруй ми разумети, что и трение сие — способ обтесать шероховатости, умягчить края. Научи мя не тянуть чужу нить на себя, не ослабляти своего натяжения в угоду чуждому покою, но обретати ту златую средину, идеже всяк пребывает при силе своей, а полотно выходит крепко.

Егда же приходит пора отмеряти отрезок, нарицаемый дорогою, — будь то шаг в неведомое или возврат к истокам, — укрепи во мне веру, яко нить не пресекается внезапно. Даже егда мнится, что веретено стало и тишина застыла над прялкою, помни: сие не конец, но смена узора. Есть время бежать быстро, егда основа натянута туго и работа спорится, и есть время замереть, егда краске надобно впитаться, а утку — улечься. Дай мне сил не рваться из тишины в суету, но уповати, яко мое приидет в свой срок, яко незыблемая рука Твоя не выпустит веретена, даже когда аз

престаю чують движение его.

Молю Тя о главном: да не будет полотно дней моих ни чрезмерно пестрым, отвлекающим взор от сути, ни бледным, утратившим силу животворящую. Да будет рисунок его честен — без украс излишних, без заплат стыдливых. Аще суждено мне ткати узор печали — даруй красок, дабы боль моя стала глубиною, а не пустотою. Аще выпадает радость — не даждь ми захлебнуться ею до забвения о тех, чья нить ныне терпит разрыв. Да будет всяк стежок, сотворенный мною днесь, в лад с тем дыханием, еже оживотворяет вся сущая.

И егда в час последний приидет черед нити моей отделиться от общего мотка, да обрящу покой в мысли, яко не порвал аз ея в раздражении, не истер в бездействии, но вел ея ровно и с любовию, якоже Ты некогда научила прамать мою. Да останется по мне не клубок горестей спутанных, но лоскут крепкий, согревающий грядущих вслед. И тогда, Мати Судеб, даже отрезанная нить моя продолжится жить — в узоре, ейже помогла я соткати, в тепле, еже сохранилось в полотне. Слава рукам Твоим неутомимым, слава веретену, кружащемуся без устали, слава нити живой, вьющейся сквозь времена.

О ком же речь сия, как не о Великой Пряхе, Матери Судеб, имя Которой — Макошь? Она — та, что в дланях Своих держит нити всех живущих, от первой звезды до последнего вздоха. Супруг Её, Велес Могучий, во тьме корней и в силе вод пребывающий, не прядёт, но хранит пути. Он — страж перекрёстков, где нити встречаются и расходятся, ибо не всякая связь должна быть вечной. При Нём — Доля и Недоля, дочери Его, рождённые от дыхания Макоши. Доля — та, что светом лучится, прядёт лёгкую, серебряную нить удачи; она шепчет на ухо, когда шаг надобно сделать. Недоля же — тёмная, задумчивая, в руках Её нить черна и тяжела, но не во зло, а во учение человеку. Приходит она, когда возомнит себя человек хозяином судьбы, ибо без терпкого вкуса горечи нет сладости.

Макошь не выбирает между дочерьми: обе равны пред Нею. Доля и Недоля — не враги, но две руки единой Матери. Одна тянет нить в небо, другая — в землю, и лишь натяжение меж ними даёт узору глубину. Если бы одна Доля ткала — полотно было бы легковесно, как паутина; если б одна Недоля — оно бы разорвалось от тяжести. Потому и глаголет предание: не гневи Долю гордыней, не кляни Недолю отчаяньем. Чтите обеих, ибо чрез них глаголет сама Рожаница, Макошь древняя.

Супруг Её, Велес, не вмешивается в пряжу, но когда человек сбивается с пути, Велес отворяет врата в иные миры — дабы душа могла переменить узор. Он — Хозяин Троп, ибо не всякая петля есть ошибка, иные петли суть мосты. Он научает глядеть в корень, где скрыта причина сплетения. И когда человек взывает: «Макошь, дай мне силы ткать!» — Велес отвечает: «Аз дам тебе знание, где узел завязан». Потому старые люди говорят: без мужа жена — что основа без утка, а без жены муж — что игла без нити. Вместе они хранят равновесие — неба и земли, начала и конца.

Дети их, Доля и Недоля, не имеют иных детей, ибо сами суть семена всего живого. Они не старятся, не ведают усталости: Доля — дева светлая, Недоля — дева тёмная, но обе прекрасны, ибо в каждой запечатлён лик Матери. Кто приемлет обеих, тот видит мир без обмана. Ибо Доля наделяет, Недоля отнимает, но и отнятие есть дар — дар освобождения от лишнего. Потому молва наша не об избавлении от Недоли, но о мудрости — различать, когда нить надобно отпустить, а когда затянуть намертво. И так, под сенью Пряхи и Пастыря, под взглядом двух сестёр, идёт человек, ведя нить свою — не горделиво, не боязно, но как подобает дитяти, чья мать глядит из самого сердца миро-

здания.

**Над бездной времён, где рождаются грозы,
Где Млечный Путь плещет святым молоком,
Ты в Ковш собираешь горючие слёзы,
Смешав их с прозрачным сухим колоском.
Вращенье небес — Твоего веретена
Напевный и мерный, таинственный ход;
Тобой эта пряжа векам отдана,
Чтоб длился и множился жизни восход.**

**Твой цвет — изумруд оживающей почки,
Дыханье лесов и подлесков туман.
Ты ставишь в конце безупречные точки,
Сцепив неразрывно реальность и обман.
Твой цвет — полыхающий маковый пламень,
Что алой нитью пронзил полотно,
Как будто на серый и жертвенный камень
Живое и тёплое хлынуло вино.**

**Не злато сияет в Твоём равновесье,
А мудрость простая — пахать и плести.
Ты слышишь, как в звёздном глухом поднебесье
Поют Твои нити на трудном пути.
Когда мы кромсаем судьбу в ослепленье,
В гордыне сжигая святую тесьму,
Ты даришь рукам и уму направление,**

Сшивая лучами рассветную тьму.

**Пусть Велес-кудесник путями земными
Ведёт нас по корням в урочища сна,
Но Ты — та игла, что сочтёт нас живыми,
Покуда канва Твоя светом полна.
Сквозь Млечный разлив и созвездья Ковша
Тяни свою нить сквозь пожар и золу,
Чтоб каждый из нас — от царя до посошника —
Был званым на этом великом пиру.**

**Оживи ту основу, что в муках даётся,
Силой роста, подобной льну под луной,
Пусть пряжа Твоя никогда не порвётся,
Хранима Твоей материнской рукой.
Цвети же, Судьба, изумрудом и маком,
Веди полотно сквозь сиянье и мглу,
Чтобы любовь оставалась нам знаком
В земном и небесном едином ладу.**

Семаргл-Огнебоже, пламя священное, сила претворяющая!

Гори в очаге моего духа, но не опаляй, а согревай.

Претвори сырость сомнений в ясный жар уверенности, растопи лёд в сердцах, обращая его в живую воду.

Храни живину ту, что бродит в семенах и в мыслях, даруя им возможность стать чем большим.

Будь светом во тьме незнания и тем очищающим огнём, что отделяет суть от шелухи.

Явись, Семаргл, в тени меж мирами, где земля с небом целуется, а бывшее с грядущим венчается. Ты — не только зримое пламя, но и тот огонь родовой, что в жилах течёт от пращуров к правнукам, не угасая сквозь веки. Ты — межа меж явью и навью, меж словом, в пустоту брошенным, и словом, что плотью стало.

Огнебоже, возложи на рамена мои тяжесть замыс-

лов невысказанных. Да обратится каждое мгновение, в суете прожитое, под дуновением твоим в зерно, что в лоне земном покоится, часа своего ожидая. Ты ведаешь, когда пламя угасить, дабы корней не испепелить, и когда разжечь его до силы той необоримой, что преграды крушит без гнева, но с неотвратимостью вешнего половодья.

Воистину, ты — страж порога, где всякое решение на крепость пытаются. Ты зришь ложь, личиной истины прикрытую, и трусость, в ризы осторожности облачённую. Пали их без жалости во имя той правды, что человека человеком творит. Да отступит пред тобою всё мёртвое, всё, что способность меняться потеряло, ибо в огне твоём — обновление вечное.

Семаргле, пёс крылатый, над пашнями и градами парящий, над страницей рукописной и над полем ратным. Воспомани мне, что мужество подлинное — не в бесстрашии, а в умении сквозь страх пройти, словно сквозь полымя, выходя чистой и крепкой. Да падёт искра твоя в сердце моё, чтобы всякое утро я начинала не с оглядкой на былое, а с готовностью стать той, кем мне на роду написано.

И когда тьма неведения сгустится окрест, когда гла-

сы чужие заглушат глас мой собственный, ты возжги во мне тот свет неугасимый, что не льстит и не предаёт. Будь мне опорой незримою, чтобы я не только истину искала, но и умела распознавать её в облике самого скромного деяния — в том, как росток сквозь асфальт пробивается, в том, как совесть после долгого молчания просыпается. Слава тебе, Семаргле!

Купальница (Купава) — не просто супруга Огнебога, а сама плоть ночи, её дышащая глубина. Она не светит, но в ней вызревают звёзды; она не греет, но хранит росу, что утром станет слезой стебля. В её объятиях Семаргл находит не покой, а иное напряжение — тишину, в которой слышен рост корня и шёпот подземных вод. Когда дневное пламя устаёт от борьбы с ветрами, он сходит к ней, оставляя на небе багровый след заката — знак их встречи на меже между светом и тьмой. Купальница учит его, что огонь может быть не только мечом, но и лаской, не только судом, но и молчаливым согласием. Их союз — это вечное перетекание: она принимает его жар, чтобы, остудив, вернуть земле, напитанной силой. И в этом круговороте рождается их дочь — Кострома.

Кострома — дитя двух стихий: от отца ей досталась способность вспыхивать яростно и внезапно, от мате-

ри — умение затаиваться в водах, ждать, растворять обиды в текучей памяти. Она не просто богиня плодородия, как толкуют поздние предания. Она — та сила, что заставляет зёрна лопаться от сока, но и та, что из пепла возводит новые формы. Весной она — дева в венке из ржанных колосьев, смеющаяся над пробудившейся землёй; летом — жница, чей серп срезает стебли с неумолимой нежностью; осенью — плакальщица над соломенными чучелами, что уносят в себе память о былом. В её жилах течёт огненная кровь Семаргла, но она не сжигает — она дарит жизни срок, а смерти — лицо. Кострома — воплощение того, что ничто не исчезает бесследно, но становится частью круга, где увядание так же священно, как цветение.

Именно через Костроме Семаргл учится понимать, что его сила — не только в уничтожении. Она показывает ему, что огонь может быть не стражем границ, а садовником: умеренное пламя сжигает сухостой, чтобы освободить место для молодой поросли. Когда он, разгневанный чьим-то предательством, уже готов испепелить виновного, Кострома останавливает его — не мольбою, а мудростью, унаследованной от матери. «Не торопись, отец, — говорит она, — пусть сгорит лишь то, что мертво в человеке, но не сам человек. Ибо и в самом запёкшемся сердце теплится искра, что

может разгореться вновь». И Семаргл укрощает пламя, превращая его в чистый свет, который не карает, а проясняет — как утренняя заря проясняет очертания мира, ещё скрытого во мгле.

Купальница, в свою очередь, черпает от супруга и дочери то, чего ей не хватает: решимость. Её стихия — вода, но вода стоячая, глубокая; она может затягивать, усыплять, заставляя забывать дорогу назад. Семаргл, врываясь в ночь, разбивает её зеркальную гладь, и та, встречая его, вскипает паром, смешиваясь с пламенем. Это рождение туманов — тех самых, что стоят поутру над реками, скрывая границу между мирами. В такие часы Кострома является людям: то в виде девушки в белом, бродящей по берегу, то как дымка над ржаным полем. Она — дочь того порога, что сторожит отец, но порог этот она переступает легко, неся в руках факел и кувшин с водой, напоминая: без влаги жар обращает всё в пепел, а без огня вода — лишь тлен.

И потому любовь Семаргла и Купальницы не идиллия, а вечный поединок, в котором один стремится удержать, другой — ускользнуть. Он — линия, черта, граница; она — пространство, глубина, колыбель. Но из этого напряжения рождается Кострома, в ко-

торой противоречия сходятся в едином ритме. Когда люди украшают берёзки лентами на Семик или пускают венки по воде в ночь на Ивана Купалу, они невольно обращаются ко всей троице: к Семарглу, что сторожит огонь желаний, к Купальнице, что принимает их в свои воды, и к Костроме, что соединяет порыв и успокоение в едином танце жизни. Так, через любовь, рождаются не только боги, но и сами законы, по которым земля приносит плод, а человек обретает цельность.

Семаргл, Огнебоже, крылатый хранитель,
На стыке миров ты воздвиг свой чертог.
Ты — духа живого святая обитель,
Межи заповедной суровый пророк.
В очах твоих искры предвечного знания,
В дыхании — ярость и жертвенный пыл,
Ты в горне своём переплавил сомненья,
Чтоб разум во тьме не блуждал и не стыл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.